

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ТАТА КИТ

18+

И ТОЛЬКО ПЕПЕЛ ВНУТРИ...

сквозь
пыль и пепел

Тата Кит

И только пепел внутри...

«Автор»

2022

Тата Кит

И только пепел внутри... / Тата Кит — «Автор», 2022

Момент – вспышка времени, которая способна разделить жизнь на до и после; разрушить то ценное, что ты выстраивал долгие годы по крупицам. Буквально только что твой дом был уютным гнездышком, тепло очага которого согревало даже в самый промозглый день. Но пришел момент и на месте уютного гнездышка остались руины и только пепел внутри...Содержит нецензурную брань.

© Тата Кит, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Павел	7
Глава 2	13
Глава 3. София	22
Глава 4. Павел	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тата Кит

И только пепел внутри...

Пролог

Зима в этом году наступила слишком рано. На деревьях еще остались редкие пожелтевшие листья, как знак того, что осень могла бы задержаться подольше, и только липкий мокрый снег на худых сухих ветках старого тополя говорил о том, что в этом году зима оказалась сильнее.

Щурясь от яркого солнца, свет которого уже не согревал, мужчина сжимал в кулаке комок холодной черной земли. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он статуя, и только его редкое дыхание, клубящееся белым паром на морозном воздухе, выдавало, что он всё еще жив.

Физически.

Сжав последний раз комок сырой земли, он, наконец, бросил его на деревянную крышку гроба той, которая тринадцать лет была смыслом его жизни.

Смыслом, которого больше нет...

Она спит, она просто спит.

Вот только вместо его объятий её сон будет охранять бездушный массив дерева под толщей холодной земли.

Следуя его примеру, на крышку гроба бросили еще несколько горстей родственники и редкие друзья.

Смотреть на собравшихся, было невыносимо. Каждый из них пытался без слов, одним лишь взглядом донести, насколько сильно он скорбит по утрате.

Его утрате...

Но невыносимей всего было смотреть в глаза цвета летнего неба.

Дочь. Единственная соломинка, держащая его на поверхности и не позволяющая зарыться глубже. Здесь, рядом с женой.

Впрочем, часть себя он, все же, похоронил, вложив в ту горсть земли своё сердце и душу, которые принадлежали только его жене.

Его чувства уходили всё глубже, погибая каждую секунду.

Хотя, нет...

Чувства не покидали его. Нет. Они рвали изнутри в клочья. Царапали и ломали ребра. Душили непролитыми слезами.

Оставаясь каменным изваянием внешне, он снова и снова умирал внутри.

Собравшиеся неспешным рядом подходили к нему, касаясь плеча, выражая немое сочувствие, и уходили прочь. У каждого из них жизнь продолжится. Они вернутся домой, в теплые квартиры, в объятия любимых. Слезы скорби на их глазах высохнут еще до ухода с кладбища.

Уже завтра о его потере столь же остро будет помнить только он.

– Прими мои соболезнования, Паша, – касаясь его плеча, вполголоса произнес один из друзей.

– Забери сегодня Катю к себе, – выдавил мужчина первые слова за последние три дня и тут же сжал губы в тонкую линию, чувствуя, что слезы, душащие его эти дни, готовы вот-вот сорваться. – Я не могу...

– Понял, – оборвал его друг и сильнее сжал пальцы на каменном плече. – Только ты без глупостей... – заостренный на нем взгляд полный непролитых слез, заставил мужчину замолчать. – Звони, если что.

Последняя горсть земли была брошена в могильную яму, как знак того, что на этом ее путь окончен.

Павел остался один. Другие скорбящие уже давно покинули кладбище, а он все продолжал стоять на том же месте, глядя на маленькую черту между двумя датами.

У суки-судьбы болезненное чувство юмора.

В этой тонкой черте заключалась её жизнь, тесно переплетенная с его собственной.

Эта черта станет тем рубежом, перейдя который, ему предстоит найти себя или же окончательно потерять...

Глава 1. Павел

Год спустя...

– Доброе утро, Павел Романович, – вздохнула надменно бабка в проходной университета, одетая в форму с надписью «охрана». Осуждающий взгляд над оправой толстых очков не вызвал никакого отклика во мне. – Опять опаздываете?

Молча, не желая слушать нотаций от старухи, раскрыл перед её лицом пропуск. Услышав сигнал турникета, толкнул планку бедром и прошел в просторный холл. Свернул в один из коридоров, в котором висело расписание пар. Взглядом нашел свою фамилию, выписал номера аудиторий и время на клочок бумаги, который тут же убрал в карман, где занимала своё постоянное место небольшая фляжка с виски.

Добравшись до нужной аудитории, остановился перед ее дверью, сделал большой глоток горького пойла и вошел в помещение, где сидели скучающие студенты, встретившие меня без особого энтузиазма.

Взаимно, да и, вообще, плевать.

Моя задача – поставить галочку в сегодняшнем дне и постараться проснуться завтра. Меня давно не волнуют все эти сочувствующие взгляды коллег. Не трогают равнодушные или соблазняющие взгляды студенточек, которые знают, что я не прочь иногда насытиться их молодыми телами.

Редко, но я позволяю себе перейти черту, наступая на горло педагогической этике.

Почему? Да, потому что мне скучно. Меня нет. Я мертв. И не вижу ничего грязного в том, чтобы иногда согреть свою плоть в теплом женском теле, особенно, если оно столь провокационно само напрашивается на это.

Возможно, сегодня меня попробует согреть брюнетка, сидящая за первой партой, прямо напротив моего стола. Пуговицы её блузки едва сдерживают грудь, которая, я уверен, нежна и приятна на ощупь. Темные глаза смотрят с поволокой, но и с коровьей тупостью в тот же момент. То, что мне нужно. Такие девочки неплохо сосут за зачет и отлично дают за экзамен.

А у меня по плану в этой группе скорый зачет.

– Тема сегодняшнего занятия, – начал я громко, скидывая пальто на край стола и бросая тут же портфель. Отодвинул стул и устроился на нем, закинув одну ногу на соседний стул, который здесь для этого и стоял. Наконец, огласил тему занятия. – Виды юридической помощи, оказываемой адвокатами.

Шорох тетрадей, тихие вздохи отчаяния и я приступаю к монологу, длиной в полтора часа. Меня не волнует, насколько сильно они меня слушают. Не заботит, записывает ли за мной хоть кто-то.

Я – робот, который обязан выдать программу, получить за нее денежное вознаграждение и так по кругу.

Еще год назад я с упоением мог рассказывать всевозможные юридические тонкости и хитрости, которым когда-то сам научился на практике или те, о которых узнал от коллег по цеху.

Но сейчас... Искра иссякла, огонь погас. Я выдаю сухой материал, который каждый студент, в общем-то, может найти в интернете, архиве или старой вузовской библиотеке. Если бы мне не надо было кормить дочь, то я бы уже давно наплевал на эту работу и не тащился бы в этот, мать его, храм знаний, находящийся на другом конце города.

Эта пара, как и другие четыре, прошла незаметно. Как и вся моя жизнь последний год: незаметно, не запоминаясь, серой дымкой, растворяясь в воздухе.

Привычно спустился в архив, который находился на цокольном этаже университета. В этом пыльном месте я иногда проводил занятия с теми студентами, которые рискнули писать у меня курсовую или дипломную работу.

А еще, старый архив – отличное место для того, чтобы уединиться здесь для личных занятий со студентками.

Старая металлическая дверь открылась с тяжелым скрипом прожитых ей лет. Возможно, она столь же стара, как и само здание университета. В темном помещении, в которое никогда не попадали лучи солнечного света привычно пахло пылью и затхлостью.

Машинально включил небольшую вытяжку над одним из шкафов и настольную лампу на своем рабочем столе. Пальто и портфель заняли своё привычное место на стуле.

Прислонившись спиной к стене, достал из кармана брюк фляжку с виски и допил остатки. Глухо ударился затылком о стену и закрыл глаза, чувствуя как янтарная жидкость, в которой уже не ощущалось горечи, прокатывалась по внутренностям, словно обволакивая их и согревая до тех пор, пока не упала на дно желудка. Пустого желудка. Сегодня я точно ничего не ел и не помню, ел ли вчера.

За приоткрытой дверью в темном коридоре послышался неторопливый стук каблуков. Так ходят студентки, у которых основная валюта, служащая платой за обучение и развлечения, находится между ног, на которых эти каблуки держатся.

Звонкий стук каблуков о бетонный пол становился всё ближе и замер у самой двери.

Сиськи и прическу поправляет, зная кивнул своим мыслям.

Дверь распахнулась и в архив вошла высокая стройная брюнетка, гордо неся перед собой еще одну занятную валюту в виде роскошной груди.

– Вызывали, Павел Романович? – томно спросила она и прикусила губу, как делали в плохих порно-фильмах моей юности.

– Зачетку клади на стол, – шумно выдохнул и опустил руки, чтобы расстегнуть ремень на джинсах.

Взгляд темных глаз девушки загорелся огнем заинтересованности. Да, это именно то, что она ждала, но не знала, наверняка, что зачет будет проходить именно так.

Синяя зачетка шлепнулась на кипу бумаг, девушка без лишних вопросов села передо мной на корточки и помогла расстегнуть ширинку, высвобождая полуэрегированный член. Уверенным движением ладони прошла по всей длине, слегка сжимая его. Кончиком языка лизнула головку и обхватила слишком пухлыми губами, делая вид, что смакует.

В голове промелькнула мысль о возможном количестве зачетов и экзаменов, которые она, вероятно, успешно сдала, пользуясь таким же приемом.

Хотя, как разница...

Снова прислонился затылком к стене, глядя в потолок, достал из кармана пиджака мобильник набрал службу вызова такси. Сегодня, как и вчера, в планах бар. За пару кварталов от дома, чтобы в беспамятстве было недалеко идти.

Девчонка внизу начала набирать скорость. Стиснул челюсти, сильнее прижал затылок к стене и зажмурил глаза, приготовившись встретить момент освобождения. Момент мутной эйфории, чтобы снова стать опустошенным бревном с трухой, вместо чувств, внутри.

Вспышка физического наслаждения и пустота.

Девчонка старательно вобрала в себя всё до последней капли и выпрямилась грациозной кошкой, снова облизывая губы, как в плохом порно. Оправила обтягивающее платье на бедрах и отошла в сторону, чтобы раскрыть зачетку на нужной странице. Судя по всему, готовилась она основательно, потому что в следующую секунду ловко выудила из декольте ручку, которую протянула мне для подписи.

Хмыкнул, подтянул джинсы, неторопливо застегнул ремень и поправил мятую рубашку. Взял из её руки ручку, поставил размашистую подпись напротив своей фамилии и заветно слово «зачет» рядом с ней. Ослабил руку и позволил ручке выпасть из нее на листы зачетки.

– Свободна, – бросил ей не глядя и обошел стол.

За спиной послышался шорох, щелчок сумочки и удаляющийся стук каблучков, смешанный со скрипом двери.

Устало потер лицо ладонями. Взглянул на себя в блеклое отражение в мониторе старого компьютера и испытал отвращение, отдающее безразличием. Словно тот обросший бородой и сальными патлами мужик – посторонний мне человек, к судьбе которого я не испытываю ни малейшего интереса, даже если завтра его найдут мертвым под мостом.

Привычным жестом достал фляжку из кармана и обнаружил, что она пуста. Бросил ее в портфель и закрыл его, взял со стула пальто, надел его, не застегивая. Выключил свет настольной лампы и молча покинул архив, закрыв дверь на замок.

Опустив голову, рылся в голове в поисках хоть одной достойной мысли, но не нашел ни одной, кроме той, что звала напиться до беспамятства. Звук шагов глухим эхом отлетал от стен уже пустого университета. Уже поздний вечер и остались только редкие студенты-зубрилы, которые выжимают последние соки из других преподавателей, которые еще находят интерес в своей работе.

Идя с опущенной головой, не заметил, как мне навстречу из-за угла вышел Андрей, или, для студентов, Андрей Владимирович – декан факультета.

– Паша, – окликнул он меня.

Вздернул голову и встретился с сочувствующими серыми глазами. Опять, сука. Сколько можно? Он был и остается мне другом уже долгих двадцать лет, но последнее время он всё больше становится похож на грустного спаниеля с сочувствующим взглядом.

– Внимательно, – остановился и без особого интереса посмотрел в его лицо.

– Завтра пятница, у Гены юбилей, – начал он, подходя ближе. – Пойдешь? Скидываемся по пять тысяч на подарок.

Гена – еще один мой друг, который вместо сочувствующего взгляда предпочел видеть меня как можно реже.

– Пять тысяч? – переспросил я вполголоса и потянулся в карман за бумажником. Достав красную купюру, вложил ее в ладонь Андрюхи и убрал бумажник обратно в карман. – Передай ему мои поздравления. Сколько ему, кстати?

– Тридцать пять, – нахмурился он и потрянул рукой с купюрой. – Ты скинешься и не пойдешь, что ли?

– Не в том настроении, – без интереса к беседе сделал шаг в сторону коридора, ведущего к проходной и к долгожданному выходу из университета.

– Паша, – донеслось мне в спину.

Остановился. Подавляя раздражения и не желая сорваться на друга, устало спросил:

– Что еще?

– Слушай, – начал он, делая неуверенные шаги ко мне, и мялся так, словно подбирал слова. – Ты наш друг и мы понимаем твоё горе, и сочувствуем как можем, но, может, уже хватит? Больше года прошло, пора снять траур и...

– И пуститься в пляс? – перебил его. В тишине коридора мой голос был похож на крик. – Улыбаться и радоваться всем вам, которые смотрят на меня, как на брошенного под дождь щенка? – тяжело дыша, изучал его лицо, метаясь от глаза к глазу. – Больше года прошло, и что? У горя истёк срок годности? Оно уже не такое свежее, как и моя жена, да?

– Паша! – вспыхнул Андрей и тут же виновато поджал губы. Поднял руку, словно пытался жестом меня остановить, но вместо этого ладонью размял затылок и шею. Глубоко вдохнул и

уже спокойнее добавил. – Никто не просит тебя улыбаться и радоваться как клоун. Не отдаляйся от нас, только и всего.

– Может, я потому и отдаляюсь, что каждый из вас, клоунов, пытается сделать клоуном и меня? – процедил сквозь стиснутые зубы. – Хочешь, чтобы я сидел за общим столом, и вы делали вид, что всё как прежде? Но на самом деле это нихрена не так! И каждый из вас это понимает.

– Давай, хотя бы, встретимся чисто нашей компанией. Без семей. Втроём: я, ты и Гена, – отчаянно предложил Андрей.

– Передай Генке привет, – безэмоционально ответил я и продолжил свой путь к выходу.

– Я не смогу вечно прикрывать твой зад, Паша, – крикнул он мне в спину. – Возьми себя, наконец, в руки!

– Пошёл ты, – произнес вполголоса, не оборачиваясь.

Быстрым шагом, опустив голову, покинул университет, привычно проигнорировав осуждающий взгляд бабки на проходной.

Морозный воздух на парковке пробрался в горло колючей проволокой. Дыхание сперло и в горле запершило настолько, что навалился кашель.

Сколько сейчас на улице? Градусов двадцать? Двадцать пять?

Плевать.

Единственное, что я знаю точно, это то, что моему организму требуется минимум сорок градусов, чтобы ночь наступила как можно скорее и незаметнее.

Опустил взгляд от черного беззвездного неба и прошелся им по парковке в поисках своей машины.

Серебристый седан, слегка припорошенный снегом, ждал моего блеклого возвращения, чтобы продолжить своё столь блеклое существование на охраняемой парковке близ дома.

Но нет. Сегодня у нас другие планы. Мы едем в бар.

Отключив сигнализацию, устроился на водительском месте, привычно швырнув портфель на пассажирское. Двигатель отозвался тихим гулом на мои манипуляции с ключом. Его давно пора отправить на диагностику и, возможно, поменять масла, но опять не сегодня.

Ожидая, когда машина прогреется, опустил стекло и закурил сигарету. Горький дым проник в легкие, заполняя их до приятной тяжести в груди. Отравляя организм ровно в той степени, к которой я привык. Сизый сигаретный дым, смешанный с дыханием на морозном воздухе, не спеша покидал салон авто и растворялся за его пределами.

Когда сигарета была докурена, а окурочек выброшен на асфальт парковки, тронулся с места и влился в городской поток.

Час-пик.

Все желают как можно скорее оказаться подальше от рабочих мест, вернуться в семью, провести вечер в приятной компании. Возможно, среди них есть и те, кто позже окажется в одном со мной баре с тем же желанием забыться, что и я.

Бар «Три гвоздя» был единственным максимально близко расположенным к моему дому. Всего пара улиц, которые я смогу преодолеть даже на «автопилоте».

Внутри заведения всегда царила некоторая отрешенность. Сюда приходили, чтобы попить в одиночестве и утопить все мысли и проблемы на дне граненого стакана.

Идеальное место для окончания рабочего дня.

– Как обычно? – спросил хмурый бармен, протирая бокал белоснежным полотенцем.

– Да, – кивнул в ответ и повесил пальто на спинку стула.

– Ты знаешь наш кодекс, – протянул бармен ладонь.

Вздыхнув, выудил из кармана пальто ключи от машины и вложил в раскрытую ладонь, что настойчиво маячила перед моим лицом.

– Утром заберешь тачку.

– В курсе.

Стакан заполняется виски на три четверти и скользит ко мне по натертой до блеска барной стойке. Залпом осушил его, почти не поморщившись. Разминка. Отправил его обратно тем же путем бармену и через несколько секунд получаю ту же порцию. В этот раз настал черед потягивать янтарную жидкость, не спеша.

Никаких навязчивых собеседников, пустых разговоров или фальшивых улыбок. Только я и виски – то, что мне нужно.

Время близилось к полуночи, если верить часам над лысой огромной лысой башкой бармена. Координация подсказывала мне, что пора домой. Я почти дошел до той кондиции, значит, мне пора дойти до дома, прежде чем сознание погрузиться в бесчувственную спасительную тьму, которую в семь утра развеет уничтожающим звоном будильника.

Расплатился по счету, прыгнул с барного стула и снял с него пальто. Едва найдя отверстия рукавов, с трудом удержал себя в вертикальном положении. Неуклюже обмотал старый шарф вокруг шеи и вышел в прохладу ночи. Поёжившись от контраста с теплым помещением бара, запахнул не застегнутое пальто. Безошибочно повернул направо и шаркающей походкой отправился в направлении дома, стараясь не касаться проходящих мимо людей.

Трясущейся рукой пытался попасть в замочную скважину, то и дело, царапая дверное полотно. Прекратил жалкие попытки открыть эту чертову дверь. Замер. Перевел дыхание в попытке побороть сон, который так и норовил обрушиться на меня в теплом подъезде.

Внутри квартиры защелкали замки. Дверь открылась и ударила меня в плечо.

Сделал шаг назад и поймал на себе обозленный взгляд дочери.

– Опять? – хмурилась она. В светлых глазах плескался гнев. Точно так же, как когда-то бушевала буря в глазах ее матери, если я задерживался на работе.

– Прости, Катюш, – выдохнул я и виновато опустил голову. – Впустишь?

– Проходи, – буркнула она и отошла в сторону, пропуская меня в квартиру.

– Спасибо, родная, – придерживаясь за дверной косяк, вошел внутрь и скинул ботинки у порога.

Пальто помогла снять дочь. Она ничего не говорила, но по её тяжелому дыханию можно было понять, что она зла на меня.

Пальто висит на крючке, я почти сплю, держась за стену.

– Голодный? – нервно спросила дочь, отчего я очнулся и немного пришел в сознание.

Тот же вопрос мне задавала Маша, даже когда злилась, даже когда понимала, что я на ногах едва могу стоять.

– Да, – просто ответил ей и без особого приглашения прошел на кухню.

Подошел к плите и открыл сковородку, в которой меня ждала жареная картошка и одна котлета.

– Садись. Я сама всё сделаю, – оттолкнула меня дочь и выдвинула ящик стола, чтобы достать из него подставку под сковородку.

Чтобы не мешаться у нее под ногами, сел за стол и сложил перед собой руки. Вперился бессмысленным взглядом в узор белой скатерти и смотрел до тех пор, пока передо мной не оказались сковородка, вилка и кружка чая.

Всё тёплое.

– Бабушка давно ушла? – спросил, подцепляя вилкой ломтик картошки.

– Давно, – отрывисто ответила Катя.

Закинул картошку в рот и, почти не прожевав, проглотил.

– Ты жарила?

– Картошку я, а бабушка пожарила мне две котлеты, но сказала, чтобы я тебе их не давала. Ты не заслужил.

– Тёшенька, – хмыкнул своим мыслям и отломил немного от котлеты. Отправил в рот кусок и медленно разжевал. Глядя дочери в глаза, честно признался. – Твоя картошка гораздо вкуснее бабушкиной котлеты. Тебе точно десять лет, Кать?

– Точно, – невесело ответила она и протопала к выходу из кухни. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, доча, – произнес в пустоту.

Уставился в сковородку с картошкой. Отложил вилку и с силой потёр лицо ладонями, чтобы хоть немного взбодриться и донести свое полудохлое туловище до постели.

Для начала убрал всё со стола. Залпом осушил кружку сладкого чая и неуклюже всполоснул её.

Находясь в ссоре с вестибулярным аппаратом, покинул кухню, привычным ударом по выключателю, погасив в ней свет. По памяти добрался до комнаты, в которой чуть больше года назад засыпал и просыпался с женой.

Сейчас же меня ждала пустота. Пустота во всем: в комнате, в постели, в ощущениях, в чувствах. Пустота в сознании, когда я, рухнув лицом на покрывало, погрузился в долгожданную, заветную тьму, в которой нет ни снов, ни воспоминаний.

Глава 2

Не хотелось просыпаться. Не хотелось снова повторять один и тот же день, которым я живу больше года. Не хотелось видеть тоску в глазах дочери и презрение в глазах тёщи, которая прямо сейчас, наверняка, ковыряет мне мозг дистанционно.

Не хотелось просыпаться и снова обнаружить себя в постели одиноким.

Не хотелось...

Ничего не хотелось, но отлаженный годами механизм требовал действий.

Перевернулся на спину и уставился в белый потолок комнаты. Ничего. Ни трещин, ни вздутий, ни ямок. Ничего. Просто ровный белый потолок с шестью круглыми лампами по периметру.

Где-то, со стороны кухни слышен тихий звон посуды, ложек, вилок. Где-то там, на кухне, орудует тёща, привычно матеря меня, на чем свет стоит. Это длится недолго и уже стало традицией: она приходит утром, готовит завтрак, собирает Катю в школу и уходит на работу. Еще один отлаженный механизм, который работает, питаюсь собственным ядом.

Вдохнул. Чувствуя усталость и ломоту во всем теле, сел в постели и почесал колючее бородатое лицо. Судя по положению простыней, ночью замерз и искал, чем бы согреться. Еще совсем недавно меня укрывала дочь каким-нибудь пледом, а до этого...

Провёл ладонями по сальным волосам и сжал их в кулаках. Тиканье настенных часов отбойным молотком по чугунной голове напоминало о том, что пора поднимать зад, привести себя в порядок и выдвигаться в ненавистную обитель знаний. Протер глаза так, будто пытался вдавить их в черепную коробку, настолько глубоко, чтобы не было шанса их оттуда выковырять и видеть всё то, что ежедневно приходится видеть в лицах родни, коллег, прохожих.

Опираясь ладонями о колени, поднялся с постели и выпрямился рядом с ней. Чертово головокружение и сухость во рту звали хорошенько проблеваться. Сомневаюсь, что я хоть что-то ел последние дни, поэтому в унитаз полетит горькая желчь.

Вышел из комнаты и сощурился от яркого света в коридоре. Скребя ногами по паркету, добрался до двери туалета и схватился за дверную ручку.

– Проснулся, алкаш, – проворчала старуха за моей спиной.

Проигнорировал. Плевать.

Из туалета навстречу вышла дочка. Бросила сухой взгляд на моё лицо и быстро отвела его в сторону, прошмыгнув мимо меня.

– Доброе утро, – произнес ей вслед сиплым голосом.

– Угу, – услышал в ответ, прежде чем она скрылась на кухне в компании старой ведьмы.

– Угу, – повторил сам себе.

Зашел в ванную комнату и закрыл за собой дверь. Подошел к зеркалу, вцепился в края раковины и безучастно посмотрел в отражение. Круги под красными глазами стали почти одного цвета с бородой. Челка сальных волос висела сосульками на лбу и лезла в глаза. Выколола бы их, что ли...

Ударил по крану и подставил пригоршню под поток ледяной воды. Окунул лицо в холодную лужу и сжал челюсти от того, как свело затылок от внезапного контраста температуры тела с водой. Повторил.

Снова посмотрел на себя в отражении. Капли воды стекали по лицу ленивыми потоками, терялись в щетине, которую уже можно называть бородой, и падали в раковину, разбиваясь о гладкую белую поверхность.

Стянул с себя вещи, в которых вчера был на работе и позже в баре. Бросил их в переполненную корзину для белья и зашел в душевую кабинку. Прохладный поток воды, смешанный с похмельем, вызвал крупную дрожь во всем теле. Не глядя взял с полки бутылочку с чем-то

мыльным. Нанес на волосы, вспенил и равномерно размазал по всему телу, просто потому что так принято делать в душе: нужно что-то вспенить и затем смыть.

Вырубил воду, вышел из кабинки и завернул бедра в большое полотенце, которое давно просилось в корзину с грязным бельем, но настойчиво мне служило. Потянулся к стаканчику с зубными щетками и замер, когда увидел зажатую между пальцами фиолетовую щетку жены. Она все еще здесь, ждет ее, словно та вот-вот выскочет из душа с тюрбаном на голове и, толкая меня подальше от раковины, начнет чистить зубы первая.

Не начнет.

И я не стану.

Вернул щетку обратно в стаканчик, вышел из ванной комнаты и направился в кухню, желая налить крепкий кофе, после чего отправиться в универ.

В кухне, протирая стол тряпкой, стояла теща. Увидев меня, женщина сжала губы в тонкую сморщенную нитку и продолжила натирать стол, словно желая протереть в нем дыру.

Напротив неё сидела дочка в школьной форме. Допивая чай, пристально наблюдала за манипуляциями бабки, успешно игнорируя моё присутствие.

– Кать, тебя подбросить до школы? – спросил, глядя на ее профиль.

– Сама доберусь, не маленькая, – ответила она, не взглянув на меня даже мельком.

Отодвинула стул, подошла к раковине и выплеснула в нее остатки чая. Всполоснула кружку и оставила ее на сушилке, после чего молча удалилась из кухни.

– Катюше нужны новые зимние сапоги, – проговорила теща в поверхность стола, когда мы остались с ней одни.

– Понял, – коротко кивнул.

– Сходи с ней в выходные в торговый центр и купи, – повысила она тон, сверля выцветшим взглядом мой торс. – У меня нет времени еще и на это.

– Понял, – повторил снова и залил растворимый кофе кипятком из чайника.

– Ты, вообще, меня слушаешь? – вспыхнула она и рядом с моим плечом пролетела тряпка, которой она только что полировала стол.

– Нет, но про сапоги услышал, – ответил равнодушно и повернулся к ней. Отпил горячий, горький кофе, поморщился и облизал обожженную губу.

– Сукин сын, – прошипела старуха и потрясла сморщенными подбородками, словно подбирая слова для того, чтобы больнее меня уколоть.

– Ба, ну ты идешь? – донесся до нас голос Кати. – Я в школу опоздаю.

– Сегодня я последний раз помогаю ей добраться до школы, – процедила теща сквозь стиснутые зубные протезы. – Дальше сам. Я устала. Мне уже не двадцать лет, чтобы скакать каждое утро сюда через весь город и обслуживать вас.

– Помните, как закрывать за собой дверь?

– Урод, – буркнула старая ведьма и топотом коротких ног удалилась из кухни на голос внучки. – Иду, Катюша.

Вылил недопитый кофе в раковину. Без аппетита заглянул в кастрюлю с тещиным борщом и вышел из кухни.

В шкафу из чистых вещей остался только костюм для торжественных выходов в свет. Не имея альтернативы, решил надеть его. Сползающие брюки плотно перетянул ремнем. Заправил в них единственную белую и чистую рубашку.

На свадьбу, что ли, собрался, идиот?

Отмахнулся от своего же отражения, натянул на плечи пиджак, сверху пальто, ботинки и покинул квартиру.

В баре забрал ключи от машины и привычно наполнил серебристую фляжку виски до конца рабочего дня.

Проходная университета, аудитории, пары, скучающие студенты, кокетки-студентки, коллеги, избегающие контакта глаз... Заезженный до дыр день повторялся снова.

Снова за спиной стук каблука, вколачивающийся в затуманенный алкоголем больной мозг. Еще одна «умница», предпочитающая знаниям физику тел, следует за мной в пыльный бункер. Осуждаю ли я её? Стыдно ли мне за нее? За себя?

Индифферентно.

В темном коридоре цокольного этажа виден свет. Свет в конце тоннеля, мать его. У двери в архив кто-то стоит с телефоном у лица. Блики экрана отображаются в очках на маленьком лице, девичьем лице.

Сегодня две желающих сдать зачет на особых условиях?

Не получится. В любом случае, останется только одна и ею станет та, которая следует за мной. Её я, хотя бы, видел при свете. Что ждет меня за теми очками, мне неизвестно.

Услышав стук каблука о бетонный пол, девка в очках подняла взгляд и включила фонарик на телефоне, слепя всё живое в радиусе десяти метров.

– Здравствуйте, Павел Романович, – выдала она скучающе, пока я щурился от яркого света и пытался не сдохнуть от давления в висках.

– Выключи, – сказал сдавлено и вставил длинный ключ в замок увесистой металлической двери. – Или в глаза не свети.

– Мне нужен архив, Павел Романович, – очкастая проигнорировала мои слова и продолжила светить мне в голову до тех пор, пока я не включил свет внутри архива.

Когда глаза привыкли к освещению, присмотрелся к девчонке и узнал в ней одну из своих студенток. Второкурсница.

– Архив занят для дополнительного занятия, Жильцова, – намеренно сделал максимально строгий тон, которому нельзя возразить.

– Да? – выгнула она бровь, подняв ее над черной оправой. Оценивающе оглядела блондинку с красной помадой и снова повернулась ко мне. – Ну, так пусть ваша отличница подтянет трусы и придет в следующий раз. Я больше месяца жду, когда у вас будет перерыв между дополнительными занятиями.

При слове «дополнительными» девчонка изобразила в воздухе кавычки.

Ни для кого не секрет, как иногда проходят мои дополнительные занятия последние полгода. Но все предпочитали закрывать глаза на это или делать вид, что ничего не происходит.

– Жильцова, не наглей, – заглянул ей в глаза и подбородком указал на дверь, давая понять, что не намерен вступать в спор, в котором она, заведомо, проигравшая. – Всего доброго.

– Хреноброво! – огрызнулась очкастая и демонстративно уселась за соседний стол, положив на его поверхность рюкзак. Озлобленно посмотрела мне в глаза и без капли сомнения и страха произнесла. – Хотите трахаться? Пожалуйста! Вы мне не мешаете. Но если я завалю эту курсовую, то меня просто потрахаться с деканом не спасет.

– Жильцова! – прикрикнул я.

– Я вас не слышу и не вижу, – певуче ответила девушка и пошла бродить между стеллажами с книгами, касаясь их корешков.

Раздражение острыми иглами пришлось по затылку. Хотелось взять мелкую выскочку за шкирку и вышвырнуть не только из архива, но и из университета тоже.

– Я, наверное, позже зайду, Павел Романович, – томно произнесла блондинка и напоследок сверкнула грудью в широком вырезе блузки.

Коротко кивнул ей и по бетонному полу вновь послышался стук каблуков, в этот раз удаляющийся.

– Что-то вы быстро, Павел Романович, – хмыкнула очкастая, выйдя из лабиринта стеллажей. Сложила стопку книг на край стола и достала из рюкзака большую тетрадь и пенал с ручками. – О вас такие легенды ходят...

Проигнорировал плоские намеки. Выдвинул стул и без сил рухнул на него, закинув ноги на стол. Во внутреннем кармане пиджака призывно булькнуло содержимое серебряистой фляжки.

Значит, пора обратить на нее внимание.

В несколько глотков осушил ее содержимое и швырнул на стол пустую тару. Потер лицо ладонями и закрыл глаза, намереваясь немного вздремнуть. Видимо, эта зубрилка тут надолго. Судя по тому, как она разложила арсенал ручек и огромную тетрадь, я здесь и до утра могу остаться.

Ощущение сухости и песка в глазах не позволяло расслабиться и забыться хоть на короткое время. Кончиками пальцев потер глаза и сложил руки на груди. Опустил взгляд и посмотрел на бескомпромиссную студентку, которая листала книгу с пожелтевшими страницами в поисках нужной ей информации.

Брюнетка. Сегодня она брюнетка.

Первый раз, когда я ее видел на первом курсе во время университетского субботника, у нее были красные волосы и тот же уровень равнодушия к окружающим, как ко мне сейчас. Хотя нет... Тогда она была гораздо более болтливей и была единственной, кто с удовольствием возилась с моей дочерью, которую в тот день я взял с собой.

Намеренно долго и внимательно смотрел на ее лицо, ожидая, что она почувствует мой взгляд, посмотрит на меня и увидит, насколько я не рад ее присутствию здесь. Пристальное внимание должно же ощущаться, как навязчивая помойная муха?

Никакой реакции не последовало ни через минуту, ни через пять. Она была занята делом и не обращала на моё присутствие совершенно никакого внимания. Перелистывала страницы, что-то записывала в тетрадь и так по кругу.

В один из моментов её телефон издал короткую вибрацию. Девчонка провела пальцем по экрану мобильного, улыбнулась и набрала короткий ответ. Снова вибрация и в этот раз тихий смехок после прочтения.

Улыбаясь, покачала головой и заблокировала экран, оставив собеседника без ответа. Продолжила запись конспекта, постепенно вернув лицу серьёзность.

Неожиданно пришел к выводу, что весь ее негатив был направлен исключительно на меня и тут же забыл об этом, снова пытаюсь немного вздремнуть.

Пульсация в висках от непроходящей головной боли раздражала. Потер виски, помотал головой из стороны в сторону и тяжело вздохнул, когда ни одна из этих манипуляций и на йоту не ослабила дискомфорт.

– Хотя весь воздух тут всосите и отравите перегаром, но я не уйду до тех пор, пока не выпишу всю ту информацию, что мне нужна, – не глядя на меня произнесла девчонка.

Снова посмотрел на ее профиль и снова увидел абсолютную отрешенность.

– Помнится, – решил достать ее разговором, чтобы она не смогла сосредоточиться на конспекте. – Мы в прошлом году перешли на «ты» во время субботника.

– Помнится, – начала она в тон мне, но не прекратила вести запись в тетради. – В прошлом году я перешла на «ты» с классным интересным мужиком. Он еще мне на том субботнике вместе со своей дочерью сухой листвы за воротник напихал. А кто вы такой, я в душе не ведаю.

– У тебя плохая память на лица или, в принципе, проблемы с памятью? – спросил я, снова злясь на ее холодную интонацию.

– У меня проблемы с жалком, – снова, не глядя на меня ответила она и продолжила записывать.

– С жалком? – нахмурился.

– Ага, с ним, – она лениво перелистнула страницы книги и что-то записала в тетрадь. – Относительно вас моё жалко сломано.

– Нормально можешь говорить? – в горле пересохло от раздражения.

– Нормально? – наконец, она посмотрела мне в лицо взглядом, которым смотрят на пустое место. – Мне вас несколько не жалко. Теперь. Так вам нормально? Доходчиво?

Теперь? Что это за уточнение? И почему меня должно быть жалко?

– Если ты продолжишь так со мной разговаривать, я тебя вышвырну отсюда как мелкую псину, – стиснул зубы, задыхаясь от необъяснимого приступа ярости.

– Как ваша дочь? Катя, кажется? – неожиданно спросила она всё с той же отрешенностью.

– С ней всё нормально и это не твоё дело.

– Ну, да, – покачала она задумчиво головой и снова обратила своё внимание на конспект. Продолжила говорить и записывать так, словно меня здесь нет. – Что у нее может быть ненормального? Всего-то мама умерла. Подумаешь, на одного родителя меньше. Зачем их целых два на одного ребенка?

Убрал ноги со стола. Настолько резко встал, что опрокинул стул, на котором сидел секунду назад.

Упираясь ладонями в стол сверлил девчонку взглядом, когда она лениво повернула ко мне голову, обратив внимание на грохот упавшего стула.

– Не лезь, сука! – процедил сквозь сжатые зубы.

– Иначе что? – спросила она, выгнув бровь. – Опять напьётесь? Трахните кого-то? Меня? Потяните гроб своей жены за ниточку туда, где вас точно пожалеют?

– Ты что несешь, дура? – уже кричал я.

Быстрыми шагами подошел к ее столу и одним движением руки смахнул всё, что на нем было.

На лице девчонки не дрогнул ни один мускул. Карие глаза смотрели на меня снизу вверх с легкой насмешкой.

– Всё? Или еще что-нибудь покажете? Ой, смотрите, пенал не упал, – сказала она и кончиками пальцев, не сводя с меня взгляда, сама его толкнула. – Ну, как? Легче?

Стук ударяющихся об пол ручек был единственным в помещении архива.

Меня трясло от ярости и ненависти к тощей девчонке. Я был близок к тому, чтобы влить ей пощечину.

Презрение в темных глазах за тонким стеклом резало нервы как листок бумаги кожу – со скрипом, цепко.

Чтобы не сорваться, сильнее сжал край стола. До боли в пальцах.

– Что ты можешь знать, тварь? – сдавленный голос царапал сухое горло. – Что ты можешь знать обо мне, о жизни?

– Ну, да, – продолжала она говорить с той же насмешкой в голосе и взгляде. – Что может знать девятнадцатилетняя сикля о жизни? Взрослый, воняющий потом и алкашкой дядя куда более осведомлен о всех ее тонкостях. Так?

Ударил столом о бетонный пол. Её ресницы дрогнули, но лицо не выдало никакой эмоции.

Она равнодушно смотрела мне в глаза и наблюдала за реакцией, безмолвно наполняя бешеной яростью всё моё сознание.

Не сдержался.

Замахнулся и ударил кулаком в стеллаж сбоку от нас.

На бетонный пол упали книги и крепления металлических полок.

Звон старых, как это здание, болтов и глухой стук книг еще старше были оглушающими в образовавшейся тишине.

Она молчала, наблюдая за мной, как за крысой в лаборатории, которой вкололи инъекцию, и осталось только дожидаться реакции, с виду, живого организма.

Молчал и я. Тяжело дышал. Вцепившись в металлический каркас стеллажа пальцами обеих рук, смотрел в серый, пыльный пол под ногами. Внутри клочкотал гнев, который требовал немедленного освобождения. Крушить, ломать, разрушать. Сделать всё, что угодно, лишь бы угодить тому монстру внутри меня, которого разбудила сука в очках.

Начал медленно раскачиваться. Амплитуда постепенно нарастала. Со стеллажа посыпались книги, обрушились полки, жалобно скрипя ржавыми креплениями. Так продолжалось до тех пор, пока стеллаж не упал на соседний, едва не запустив эффект костей домино, если бы тот не оказался прочнее прикреплен к полу тяжестью книг.

Запустил пальцы в волосы и с силой сжал. Глубокий вдох. Пульс отбивает бешенный ритм в висках.

Повернулся, наверняка зная, что напугал пигалицу, но лишь еще больше вышел из себя, когда увидел, что она со скупающим видом разглядывала плакаты и старую карту на стене.

Что за хрень?!

– И что ты хочешь мне сказать всем этим? – встал перед ней и оперся кулаками о стол, за которым она сидела. – Решила пожалеть меня? Хочешь помочь советом? Сказать мне, что все умирают и нужно суметь это принять? Это дерьмо я слышал миллионы раз. Не думай, что твои слова будут мне хоть сколько-нибудь интересны.

Уголок тонких губ приподнялся. Девчонка подалась вперед и сложила руки на парте. Примерная ученица, твою мать. Бесстрашно приблизилась к моему лицу и, глядя прямо в глаза, спокойно произнесла.

– Я, мне, меня, – перечислила она едва слышно и склонила голову набок. – Думаете, ниточка от того гроба только в ваших руках? Или тянуть за нее позволено только вам? А дочери достаточно того, что за двоих папочка страдает?

– Заткнись! – прорычал ей и стиснул зубы, когда снова не увидел ни малейшего изменения в ее лице.

– Думаете, мне вас жалко или я хочу чем-то помочь *вам*? – акцентировала она внимание на последнем слове. – Нисколько.

Покачала головой и оба уголка губ поднялись в сардонической улыбке.

– Да, мне изначально было вас жалко, – продолжила девчонка. – Я вам сочувствовала. Не скажу, что я понимаю вашу утрату и очень надеюсь, что мне никогда не будет дано это понять. У нас с мужем даже игра-спор такая есть: я умру раньше, называется. Знаете почему?

Молча смотрел ей в глаза, не желая хоть сколько-нибудь содействовать. Достаточно того, что я слушаю весь тот бред, что она, зачем-то, несет.

– Конечно, знаете, – кивнула, и улыбка на её губах поблекла. – Никто из нас не хочет видеть смерть любимого. Никто. И мечты, и слова о том, что они жили долго и счастливо и умерли в один день – это не розовый бред пустоголовой девицы с растущей из задницы радугой. Это слова скрытого страха. Умрет один, и весело и счастливо для другого закончится навсегда. Навсегда. Поэтому, уж лучше вместе: от постели до погоста.

– И? Ты решила, что эта проповедь наставит меня на путь истинный?

– Опять вы только о себе, – усмехнулась она и покачала головой. – Повторюсь: мне вас не жалко. И это бесит, да?

Глядя мне прямо в глаза, она не ждала ответа. Словно знала наверняка, что этот вопрос – риторический.

– Жалеть и оплакивать утрату можно день, два, месяц, возможно, полгода, но потом на смену отчаянию приходит светлая грусть, когда вспоминаешь ушедшего человека не лежащим в гробу, а бегущим с тобой по квартире, играющим в прятки или в любую другую малозначимую тогда чушь, – говорила она сама с собой. – Если невозможно тысячу раз смеяться над

одной и той же шуткой, как первый раз, то почему вы решили, что рыдать об утрате, спустя годы, можно ровно так же как в день похорон?

– Идиотка, – произнес на выдохе и выпрямился рядом со столом. Спрятал трясущиеся руки в карманы брюк.

– Я и не говорю о том, что я гений, – изогнула очкастая бровь. – Но я прекрасно вижу, что вы злитесь. Потому что раньше было внутренне кайфово, когда друзья и знакомые жалели вас, шли на поводу в угоду вашего душевного комфорта. Ведь вы таскаете с собой за ниточку гроб. Стоит кому-то поднять вонь о том, что Пашка испортился, как вы сразу дергаете за ту ниточку и показываете, что у вас, вообще-то, вавка и она бо-бо. Надо пожалеть бедолагу. Но сейчас вы видите, что друзьям уже не так прикольно угождать вам. Возможно, кто-то из них предпочел и вовсе с вами не встречаться, потому что их жалко стёрлось быстрее. И вот, вы дергаете ниточку, а эффект уже не тот. И это бесит, да? Вы ведёте себя как маленький ребенок, срываетесь на друзьях, родственниках, потому что они, скоты такие, ничего не понимают, у них же всегда всё было хорошо...

– Пошла вон! – рявкнул я и опрокинул стол, за которым она сидела. – Вон!

– Так вот, – произнесла она, как ни в чем не бывало. Сняла очки и сложила их, держа за заушники. – Мне не жалко вас. Уже не жалко. Потому что теперь мне еще больше жалко вашу дочь. Я знаю, наверняка, в каком говнище она живет сейчас и что испытывает к вам, в том числе.

– Мне насрать на всё, что ты мне хочешь сказать, – произнес, не глядя на нее. Подошел к столу, схватил пальто, желая одеться и как можно быстрее оказаться подальше от ненормальной девицы.

– Наши чувства взаимны, но я, всё же, кое-что вам расскажу. Можете не слушать, ведь мне тоже насрать. Ровно, так же как и вам насрать на чувства вашей дочери.

Сжал челюсти, тяжело вдохнул и наклонился к полу за портфелем.

– Когда мне было одиннадцать лет, у меня умер отец. Ну, вы знаете, такое с людьми случается – они умирают невовремя, незапланированно и тогда, когда этого меньше всего ждешь, – начала девчонка, глядя куда-то в пространство. – Мама сначала держалась. Дней десять. Потом начала пить. С самого утра и до вечера, до тех пор, пока просто не уснет за столом, не в состоянии дотащить себя до постели. Все ее жалели: друзья, родственники, коллеги по работе, соседи... Все, в общем. Все жалели её, не меня. Отчего-то все дружно, не сговариваясь, решили, что я еще мелкая и нифига не понимаю. Не знаю, может, думали, что у меня память как у рыбки, и я уже забыла, что у меня когда-то был самый лучший в мире отец, – невесело улыбнулась она и я замер у порога архива, слушая эту чокнутую.

– Возможно, – примерила она очки на свое колено. – Чтобы меня пожалели так же, как мою мать, мне нужно было в той же тональности, что и она, рыдать и кататься по полу, ненавидя всех и вся за то, что они счастливы в своих маленьких мирках. Но я ее жалела. Жалела так же как и все, потому что думала, что ей, действительно, сложнее, она же так горько плачет. Я взяла на себя почти все обязанности по дому, потому что мама тоже любила подергать за ниточку гроба, напоминая и мне тоже, что у нее болит... Я готовила, убирала, стирала и прочее. Плакать позволяла себе только ночью. В плюшевого зайца, которого мне когда-то подарил папа, пока мама не видит, чтобы не напоминать ей о том, что папа умер, иначе она опять рыдать начнет. А потом решила радовать ее. Она всегда светила от счастья, как ребенок, когда папа дарил ей кольца. Золотые, разумеется. У нее была огромная шкатулка с этими кольцами. Их было, действительно очень много. Я решила тоже пойти папиным маршрутом и стала дарить ей кольца. Не золотые, разумеется. Обычная бижутерия из киосков с печатью. Я была уверена, что это ее порадует, она вновь почувствует себя счастливой, как в те моменты, когда папа дарил ей золото. Но, знаете, что она делала?

Вопрос был задан в пустоту. Жильцова, даже не подняла взгляд, чтобы проверить, здесь ли я и слушаю ли, вообще, ее. Но, всё же, я отрицательно покачал головой и оперся плечом о дверной косяк.

– Она выбрасывала каждый мой подарок, не открывая. Иногда била за то, что я занимаюсь ерундой, как она считала. Иногда просто выбрасывала на моих глазах и шла за новой порцией алкоголя, потому что я ей напомнила о той вавке, случайно задев ее любимую ниточку, которой она так успешно манипулировала другими людьми, как марионетками. Так, продолжалось, примерно год. Я выполняла всю работу по дому, напоминала ей о счетах за коммуналку. Уже не так охотно утешала её и без энтузиазма встречала дома поздно ночью, после очередной утешительной «терапии», с которой она возвращалась, едва стоя на ногах. Потом и вовсе начала её игнорировать. Надоело. Она не замечала меня, я решила не замечать её. И вот однажды, прогуливая уроки в одном из дворов города, я наткнулась на компанию плохих ребят. Очень плохих. Пиво, сигареты, мелкие грабежи, грабежи потяжелее, и то же самое с наркотиками. Я тоже нашла себе утешение, которое мне так и не дала мать. Она, кстати, так и продолжила пить, менять мужиков одного за другим. Все друзья и родственники окончательно от нас отвернулись. Потому что их жалко тоже стерлось до самого основания и им стало до жопы, что там у нас происходит и чем оно закончится. Она катилась в пропасть, и я вместе с ней, сама того не подозревая, пока однажды меня за руку не поймал мой муж. Я хотела украсть у него кошелек прямо из кармана, а он поймал меня за руку и украл сердце. Как бы пафосно это не звучало.

Она улыбнулась неожиданно тепло и искренне и, наконец, подняла на меня взгляд.

– И вот, я вижу вас, – заглянула она мне в самую душу темными глазами. – С виду, привлекательный мужик, но с такими старыми ранами на душе и сердце, что они покрылись воняющими, сочащимися гнойниками. Ваши раны пытаются затянуться, а вы их ковыряете грязными руками, чтобы народ вокруг не сбавлял градус жалости и спускал вам многое, потому что вам, вроде как, тяжело. Но это мерзко. Вы мне омерзительны, потому что я точно знаю, что сейчас происходит с вашей дочерью. Её рана растет и ширится с каждым днём, но она заклеивает её заплаткой равнодушия, потому что другие к ней тоже равнодушны. Вы перетянули всё внимание на себя вот этим бесконечным ковырянием ран. За своими слезами вы не замечаете её слез, потому что картинка-то размыта, и не разглядеть, что там происходит у нее. А если сразу разглядеть не вышло, то и приглядываться не имеет смысла. Зачем, правда? Она бы сама сказала, если бы у нее что-то болело, как было всегда, когда она маленькая прибегала с каким-нибудь незначительным ушибом или порезом, чтобы ее пожалели родители. А тут – не бежит. Значит, ничего не болит, ну, или само пройдет. Так?

Словно в оцепенении отрицательно покачал головой.

– Так, – кивнула она утвердительно. – Повторюсь: мне вас уже не жалко, но теперь я еще сильнее сочувствую вашей дочери, которую вы предпочли не замечать.

Сказав это, она поднялась со стула и собрала свои ручки в пенал. Из вороха раскрытых и разбросанных по полу книг достала большую тетрадь и убрала её вслед за пеналом в кожаный рюкзак.

Поняв, что больше никаких речей от нее не последует, не выдержал и с насмешкой поинтересовался:

– И ты думаешь, что после твоей душещипательной истории я вернусь домой и заживу по-новому? Для девочки, которую, если верить тебе, воспитала улица, ты слишком наивна. Я бы даже сказал – туповата.

– Это вы туповат, если думаете, что я от вас чего-то жду, – усмехнулась она и застегнула рюкзак, забросив одну лямку на плечо. Подошла ко мне вплотную и вполголоса, глядя в глаза, произнесла. – Я хочу, чтобы вы убили себя.

От этого внезапного признания сжало ребра и кольнуло в солнечном сплетении. Нахмурился, не понимая, насколько она сейчас серьёзна и в своем ли она уме. Её лицо снова не выражало абсолютно никаких эмоций.

– Я не хочу, чтобы прямо сейчас вы возвращались домой и начали, якобы, новую жизнь. Это будет враньё с вашей стороны. Короткое, дешевое враньё, – продолжила она. – Я хочу, чтобы вы убили то бородатое, вонючее чмо, которое все наблюдают уже год. Я хочу, чтобы сегодня вы набухались до такого состояния, когда сопли смешиваются со слюнями и стекают по подбородку. Уверена, вы так умеете. Я хочу, чтобы сегодня умер этот жалкий человечиска, что таскает за собой за нитку гроб жены и демонстрирует всем, как ему плохо. Я хочу, чтобы вся эта срань сегодня в вас умерла, а утром вы выблевали ее черные гнилые остатки раз и навсегда. А завтра страдали только из-за похмелья и были благодарны каждой своей клеточкой дочери, в которой еще остались капли жалости к вам. Кланялись ей в ноги и соглашались на всё, что она предложит. Будь то клизма, удар тока или щеночек. Очнись, Паша, ты явно увлекся жалостью к себе.

Сказав это, она обошла меня стороной и пошла по темному коридору цокольного этажа, глухо стуча ботинками о бетонный пол.

Остался стоять на месте, стеклянным взглядом глядя туда, где она стояла секундой ранее. В тяжелой голове образовался вакуум, как бывает, когда ищешь нужную мысль, но ничего не можешь найти. Пустота. И в этой пустоте, к которой я всегда стремился, напиваясь, не было спасения. В ней был холодный, цепкий страх и горячее чувство ненависти к девчонке, которая, отчего-то решила, что знает меня и мою дочь лучше, чем я сам.

Хлопнул металлической дверью архива, что было силы. Широким шагом последовал в том направлении, в котором исчезла девчонка, чтобы сказать ей всё, что не сообразил сказать сразу: что я о ней думаю и что у нее не было никакого морального права лезть мне в душу.

На проходной никого не было, кроме скучающей вахтерши. На улице близ университета её тоже не оказалось. Она просто исчезла, как чертово видение, словно была лишь выдумкой моего пропитанного алкоголем и усталостью мозга.

Глава 3. София

– О, стахановцы еще здесь! – раздался со стороны входа веселый голос Марка Антоновича.

Отвлеклась от цветов и машинально вскинула взгляд на нарушителя тишины. У порога стоял охранник торгового центра, в котором я несколько лет арендую помещение под цветочный магазин.

– Ага, Марк Антонович, заработалась немного, – улыбнулась мужчине и вновь вернула внимание розам, которые до завтра, скорее всего, уже не доживут. Чтобы не заставлять охранника скучать у порога в тяжелом молчании, между делом, добавила. – А я и не заметила, что рабочий день уже подошел к концу. Давно все разошлись?

– Да, уж часа полтора назад, – взглянул он на наручные часы. – Осталась только ты и мыльно-рыльный. Моя смена уж через полчаса заканчивается, а вы, видимо, решили сегодня меня переработать.

Мыльно-рыльный, в понимании Марка Антоновича, – это магазин косметики. Потому что в нём есть мыло, которым, совершенно точно, можно помыть рыло.

Логика проста и весьма очевидна.

Ходульный – обувной.

Обдиралочный – ювелирный.

Диарейная полянка – фуд-корт.

Срамной, бесстыжий, в наше время такого не было – секс-шоп.

– Ох, тогда и мне пора бы уже начать собираться, – спохватилась и смела в мусорную корзину с рабочего стола обрезки цветов и лепестки с них опавшие. – Сёмка, наверное, заждался уже.

– Слушай, Сонь, – замялся мужчина и смущенно большим пальцем правой руки почесал седую бровь. – Раз ты еще здесь, можешь собрать мне букет? Небольшой. Тысячи на две. Совсем забыл, что у меня с моей бабкой сегодня годовщина свадьбы. Сорок пять лет из моих нервов ковры вяжет, – рассмеялся мужчина, отчего его взгляд потеплел и словно погрузился в далекие воспоминания. – А если я без цветов приду, то спать придется в лотке у кошки.

– Ну, – улыбнулась я Марку Антоновичу и подошла к холодильнику. – В таком случае, я просто обязана спасти вашу жену и кошку.

– Женщины, – покачал он головой.

Точно помнила о том, что его жена предпочитает пионы. По крайней мере, именно их он чаще всего брал. Собрала букет из сорока пяти розовых пионов – именно их он и выбирал всегда. Оформила в крафт бумагу (его жене не нравилось, когда цветы завернуты в искусственную обертку – полиэтилен), перевязала лентой и передала увесистый букет мужчине в руки.

– Ты куда мне столько дала?! – глаза мужчины расширились так сильно, что морщинки вокруг них разгладились. – Я же не рассчитаюсь за всё это! Мне тысячи на две надо-то, только и всего.

– Берите, Марк Антонович, – настойчиво всучила ему букет. – И с годовщиной вас и вашу жену.

– Спасибо, Соня, – смущенно улыбнулся мужчина. – Ты скажи, сколько с меня, я в каптёрку свою за кошечкой сбегая, а то у меня в кармане только две с половиной тысячи. А тут тысяч пять надо, не меньше.

– Ничего не надо, – поймала его растерянный взгляд. – С годовщиной вас и будьте счастливы. Раисе Михайловне привет от нас с Сёмкой передайте.

– Да, это-то само собой, – смотрел он во все глаза на букет в своих руках. Сунул руку в карман и достал из него сложенные купюры. – Вот, возьми, хотя бы, это.

– Не возьму, – вскинула руки и покачала головой, отступив от него на шаг.

– Соня, это очень дорогой подарок. Я не могу его принять, – настаивал Марк Антонович, продолжая протягивать мне деньги.

– Я обижусь.

– Вот вы, бизнес-бабы, упёртые, – проворчал мужчина и нехотя вернул купюры в карман униформы. – Спасибо тебе огромное. Если что-то понадобится, ты всегда зови меня. Помогу, чем смогу. И бабушку свою привлеку, если нужно будет.

– Вот это другое дело, – улыбнулась мужчине и развязала пояс фартука за спиной. – Ладно, буду и я собираться, раз торговый давно закрыт.

– И я пойду последний обход сделаю, да тоже домой собираться начну. Да завтра, Соня.

– До завтра, Марк Антонович. С годовщиной еще раз.

– Спасибо, дочка, – тепло улыбнулся он и вышел из цветочного, бережно неся перед собой букет.

Собрала в мусорный пакет остатки и обрезки цветов, в очередной раз проверила температуру внутри холодильника и убедилась в том, что к утру я не обнаружу жухлые цветы, как было однажды, когда я случайно задела панель управления и не заметила. Опустила рольставни на огромных панорамных окнах бутика. Машинально, возможно уже в сотый раз, протерла влажной тряпкой прилавки и освободившиеся от ваз столики. Завтра будет привоз свежих цветов, нужно не забыть попросить Марка Антоновича помочь мне с их транспортировкой до холодильника. Хотя, он всегда знает о привозе раньше, чем я. Его и просить не нужно, он просто молча помогает, если не занят.

Опустила последние рольставни. Убедилась в том, что всё достаточно плотно закрыто и, наконец, позволила себе покинуть торговый центр, попрощавшись с еще парой охранников, которые здесь работают совсем недавно. Студенты, скорее всего, и, вероятно, надолго они не задержатся. Месяца два-три – максимум. Марк Антонович у нас самый опытный человек из охраны и единственный, кого знает абсолютно весь торговый центр.

Подходя к автобусной остановке, достала со дна сумочки телефон. Обычно Сёмка присылает голосовые сообщения с бабушкиного телефона, если хочет, чтобы я по пути с работы купила чего-нибудь вкусенького. Сегодня, как ни странно, пожеланий не было. На главном экране не было ни одного пропущенного смс или звонка от сына. Значит, мама успешно выполнила все его капризы и, возможно, сейчас его комната полна киндерами и роботами на батарейках.

К остановке подъехал автобус под номером шестнадцать. Мой. Переминаясь с ноги на ногу на ноябрьском морозе, ждала, когда в него войдут особо спешащие пассажиры. Возможно, имея я как все порядочные бизнес-бабы (как говорит Марк Антонович) свой личный автомобиль, то мне не пришлось бы мерзнуть, мокнуть или потеть на остановке. Но к тридцати годам я так и не научилась водить машину. Страх и паника парализуют меня каждый раз, стоит мне оказаться на проезжей части и увидеть встречную машину. В этот момент я перестаю быть хозяйкой самой себе и своей жизни. Либо мои руки сами вырывают на обочину в опасном маневре, либо я закрываю лицо руками и начинаю молиться о том, чтобы встречная машина проехала как можно быстрее и дальше от меня, особенно если это большегруз груженный лесом.

Автобус, как и всегда в это время, был забит под завязку. О сидячем месте можно было бы и не мечтать. Встав в проходе и держась рукой за поручень, а зубами за воздух, пыталась удерживать себя в вертикальном положении на каждом крутом повороте, совершаемом автобусом.

На самом деле повороты не были уж настолько крутыми, просто каждый порядочный водитель автобуса считал своим святым долгом – устроить тест-драйв каждого пассажира.

Таким образом перевозка людей из пункта А в пункт Б превращалась в транспортировку дров в пуховиках с выяснением их болевых порогов.

Такое вот принудительное рабоче-трудовое БДСМ.

Телефон в руке издал протяжную вибрацию. Звонок от мамы, который я сразу приняла, как обычно, боясь, что с Сёмкой что-то приключилось:

– Да, мам? Что случилось? – прижала телефон крепче к уху, чтобы не пропустить ни слова.

– Ничего не случилось, – привычно чуть нервно ответила мама. – Молоко купи. Сёмка сегодня в ударе, весь литр уже выдул.

– Хорошо, поняла. Больше ничего не нужно?

– Сём, – обратилась мама к сыну. – Еще что-нибудь хочешь?

– Щеночка! – восторженно крикнул тот.

– Слышала? – обратилась мама, смеясь.

– Молоко, так молоко, – произнесла я и чуть покачнулась на небольшой ямке, или даже кочке городского асфальта. – Скоро буду.

Услышав от мамы неразборчивое «угу», снова сжала телефон в руке и крепче вцепилась в поручень, потому что точно помнила, что сейчас начнется кольцевая, а это значит, все пассажиры пройдут легкое испытание центрифугой.

Чтобы купить молоко, мне предстояло выйти на остановку раньше. И это хорошо. Потому что еще одну остановку везти на своей ноге ту даму в теле, у которой шапка напоминает парик, что лезет всем в лицо, я точно не смогу.

Морозный ноябрьский воздух после духоты и ароматов «воняли» автобусного салона казался чистейшим нектаром для всех рецепторов.

Гипермаркет, который работал допоздна, был недалеко от остановки. Поэтому покупка молока не стоила мне больших временных затрат.

Путь домой лежал через несколько баров и кафе. Но, к счастью, все они не отличались бурной публикой, поэтому проходить мимо них можно было не боясь, что кто-то в состоянии смертельного опьянения попытается затащить тебя в свою алко-компанию.

Проходя мимо кафе, услышала сдавленный писк. Замерла. Прислушалась. Станный звук повторился. Словно кто-то пытался докричаться через толщу ткани. Напряглась, пытаюсь понять точно, откуда идет звук.

Писк повторился со стороны мусорных баков у боковой стены кафе.

Напряглась. Совсем недавно в нашем районе нашли младенца в мусорном баке. И это в ноябре при минус пятнадцати градусов, когда даже взрослый человек мерзнет в теплой одежде.

Не раздумывая, ринулась к бакам и открыла один из них. Снова прислушалась. Писк повторился, только теперь он напомнил, скорее, щенячий скулеж, нежели жалобный писк ребенка.

Хотя, откуда мне знать, сколько часов в одном из этих баков находится ребенок, и как сильно он замерз, что не в силах громко плакать. Возможно, тот писк, что мне удалось услышать, – было последнее усилие.

Открыла соседний бак и снова услышала тот самый звук.

– Чёрт! Ничего не видно! – пробурчала сама себе и стараясь не думать о том, как здесь воняет, достала телефон из кармана пальто, включила фонарик и посветила в бак.

В дальнем углу лежал сверток, перевязанный веревкой. Шевелящийся свёрток. Сердце сжалось в тиски. По венам прошла ледяная лавина.

Зажала телефон зубами и, не заботясь о том, что вымажу пальто, повисла на баке и схватила сверток, который продолжал жалобно пищать.

Сразу же освободила его от веревок и швырнула их в сторону. Развернула ткань и увидела щенка. И еще одного. Кто-то выбросил щенят на улицу. И не просто выбросил, а завернул в кусок ткани и перевязал его веревкой, чтобы они не могли выбраться.

С одной стороны наступило облегчение, оттого, что это был не ребенок, но с другой стороны на глаза навернулись слёзы от осознания того, насколько люди могут быть жестокими к своим близким.

Пригляделась к щенкам, которые уже изучали мои руки: принюхивались, лизали. Скорее всего, искали еду. На шеях обоих были куски веревок. Снова ужаснулась человеческой жестокости, поняв, что их сначала пытались придушить, но, видимо, не вышло, и именно поэтому они оказались в мусорном баке кафе.

– И что мне с вами делать? – спросила у щенят, поглаживая обоих по крохотным головам. Огляделась и заметила близ мусорного бака небольшую коробку, в которой можно будет спокойно донести щенят домой и уже там решать их будущее.

Утро вечера мудренее, как любит говорить моя мама.

Без какой-либо брезгливости взяла коробку и вытряхнула из нее какие-то обрезки бумаги и салфеток.

Я только что в мусорке копошилась, так что вытряхнуть какую-то коробку для меня уже не проблема.

Поставила коробку на крышку мусорного бака и усадила в нее трясущихся щенят. Недолго думая, сняла с шеи шарф и укрыла им замерзающих животных.

– Сегодня переночуете у меня, а завтра найдем вам хороших хозяев, – оповестила я щенят о наших планах и вышла из подворотни под свет уличных фонарей.

Щенята в коробке не скулили. Казалось, они вовсе уснули, согревшись в моем шарфе.

Немного ускорила шаг, понимая, что им просто необходимо как можно скорее оказаться в тепле и что-нибудь поесть.

Вот и молоко не зря купила.

Ох, чёрт! Сёма совершенно точно захочет оставить себе одного из них, а отказать уже не получится. Я только «за», чтобы у моего сына был питомец, но так как я большую часть дня провожу на работе, то и забота о щенке упадет на мамины плечи.

А может, она и сама не прочь завести собаку?

Скоро узнаю.

Из бара, мимо которого я проходила, практически вывалился мужчина. Он был пьян в стельку. Едва стоял на ногах, но был явно слабее гравитации, которая тянула его ближе к заснеженной земле.

Ухоженный. Относительно. В костюме, пальто, белой рубашке. Вот только очень лохматый и бородатый.

Мужчина сделал еще одну попытку ступить на тротуар, по которому я шла, боясь, что он в меня врежется. Качнулся и его повело прямо на меня. Настройки его автопилота явно полетели к чертям.

Еще шаг и он коснулся меня плечом, почти уронив на плитку тротуара.

– Осторожнее! – буркнула я и отошла в сторону, не в силах терпеть запах алкогольных паров.

Хотя сама я сейчас пахла, наверняка, не лучше. После мусорных баков-то...

– Прости, – произнес мужчина, на удивление сдержано и даже без капли хамства.

На секунду мне даже стало совестно, что я на него наехала.

Он стоял, покачивался, словно собираясь с мыслями перед предстоящей дорогой.

Опасливо обошла его стороной и продолжила свой путь к дому, до которого оставалось всего метров семьсот.

За спиной, совсем рядом, слышались шаги. Словно кто-то преследовал меня.

Прижала коробку с щенятами ближе к телу и бросила быстрый взгляд через плечо. Тот мужчина в пальто следовал за мной по пятам.

– Прикинь? – донеслось мне в спину. – Она сказала, чтобы я сегодня сдох. Дура малолетняя. Будто я живой, блять.

– Это вы мне? – на всякий случай спросила, но шаг не убавила.

– Какая разница, – бесцветно ответил мужчина и шаги за спиной затихли.

Внутренний червяк, которому до всех есть дело, начал точить меня всеми силами.

Остановилась, обернулась к мужчине, который стоял поодаль и раскачивался на месте. Словно спал или забыл, что куда-то шел.

– У вас всё нормально? – спросила я, аккуратно приближаясь к нему.

Не похож он на матёрого пьянчугу, который будет клянчить деньги на бутылку. Внешний вид и лицо выдают в нем какого-то интеллигента, что ли.

– А что такое «нормально»? – неожиданно философски спросил он. – Что это за критерий такой для оценки человеческого состояния? Нормально для чего? Чтобы сдохнуть прямо сейчас? Или прожить еще какое-то время? Нормально, чтобы хотелось прыгнуть с высоты? Или нормально для того, чтобы хлебать яд не торопясь?

– Я просто спросила. Если не хотите разговаривать так и скажите. Я не навязываюсь вам в друзья. Это вы за мной увязались.

Он молча, глядя куда-то мне в ноги, провел ладонью по лицу. Теплое дыхание вырвалось белым облаком из его груди и растворилось в холодном вечере. На безымянном пальце стала заметна тонкая полоска обручального кольца.

Женат.

Значит, дома ждут.

– Что у тебя в коробке? – указал он подбородком на мою шевелящуюся ношу.

– Щенята. Вам нужен щенок, кстати?

– Нахрен они мне нужны? – фыркнул он и попытался меня обойти, но поскользнулся на плитке и упал почти у самых моих ног.

Решив, что наш разговор окончен, а встать он и сам сможет, продолжила свой путь домой, даже не планируя оглянуться и убедиться в том, что он смог подняться.

Большой мальчик – сам справится.

Снова червяк внутри меня начал биться в истерику. И назойливый голосок в голове приговаривал только одно: «Он бы так не поступил. Он бы так не поступил».

Вновь остановилась. Выдохнула и обернулась туда, где оставила лежать мужчину в распахнутом пальто. Только теперь он не лежал, а сидел на тротуаре, запустив пальцы в волосы так, словно пытался их вырвать.

Теперь мне стало действительно страшно. Может, он психически неуравновешенный? Его настроение за минуту менялось, по меньшей мере, сотню раз. Или это алкоголь действует на него каким-то особым способом, что адекватность улетучивается вместе с выдохом перед каждой новой рюмкой?

Я, конечно, понимаю, вечер пятницы: все устали и хотят расслабиться, но и у расслабления должен быть хоть какой-то предел. Хотя бы такой, при котором можно на ногах держаться.

Ладно. Если нам по пути, то я попробую его проводить, если нет, то попрошу помощи у персонала того бара, из которого он выпал.

– Простите? – боязливо приблизилась к нему и, на всякий случай, отвела коробку с щенками чуть в сторону.

В ответ не последовало ничего. Абсолютно ничего. Ни один палец в волосах не дрогнул. Словно он мысленно меня отключил и я теперь для него невидимка.

– Я... – осеклась, подбирая нужные слова. – Мне страшно.

Густая черная шевелюра дрогнула. Руки исчезли из волос и мне в глаза заглянули две черные, совершенно холодные пустые бездны.

– Что? – спросил он глухо и немного нахмурился.

– Мне страшно идти домой одной, – Пояснила я, собирая зыбкие аргументы на ходу. – Проводите меня, если вам по пути, конечно?

Теперь он посмотрел на меня еще страннее, чем несколько секунд назад. Складывалось впечатление, что теперь он задумался о моей адекватности. Ну, его можно понять: вполне себя приличная с виду женщина с щенками в коробке просит незнакомого, почти убитого в хлам мужчину, проводить ее домой.

Наверное, эти щенята – пополнение к тем сорока котам, которые уже есть в моем доме. Когда настолько отчаялась, что решила завести еще и собак и начала клеиться к пьяному, женатому мужику.

– Рябикова, – бросил он и предпринял попытку встать.

– Что?

– На Рябикова я живу, – разжевал он мне, как идиотке и его попытка встать закончилась провалом.

На Рябикова? Уже хорошо – на одной улице живём.

– Я помогу вам, – протянула ему ладонь, на которую он бросил пустой взгляд.

Замер. Задумался.

Может, засмотрелся на обручальное кольцо? И теперь пазл под названием «Я» стал еще сложнее?

– Поможешь? – невеселая насмешка. – Попробуй.

Схватился за мою руку и едва не уронил нас всех. Хорошо, что я успела выставить ноги и... воткнуть каблук ему в ботинок.

– Упс! – выдавила сдавленно и потянула мужчину на себя, стараясь не просыпать щенков из коробки.

– Пошли, – сказал мой внезапный Сусанин и брезгливо выдернул руку из моей руки.

Шатаясь, пошёл впереди меня, даже не заботясь о том, иду ли я за ним или он сам себя провожает.

Джентльмен чёртов!

Молча следовала за ним. В сумке булькает молоко. В коробке в руках тихо скулят щенки. А передо мной идёт совершенно неизвестный мне мужчина, для которого я делаю вид, что он меня провожает.

Не так я планировала закончить вечер пятницы. Совершенно не так.

Чем ближе мы подходили к нашей улице, тем менее уверено мой провожатый держался на ногах. Вероятно, перед выходом из бара он принял какую-то контрольную дозу пойла, чей эффект догнал его только сейчас.

Он пошатнулся в одну сторону, в другую. Маятник в пальто.

В момент, когда он почти упал, едва не свалившись на проезжую часть, нырнула ему под руку и приобняла за талию.

Щенки в коробке боязливо дрогнули.

Рука на плече напряглась. Посмотрела чуть вверх и по спине пробежал холод, оттого с каким презрением на меня смотрели два черных колодца.

– Я же говорила, что помогу вам, – пояснила я мужчине и сама боязливо дрогнула, когда почувствовала, что он сжал мои пальцы.

Я и не заметила, что переплела наши пальцы, когда закидывала его руку на свое плечо.

Он так крепко сжал мою ладонь, что я почувствовала легкий скрежет наших обручальных колец друг о друга.

– Это вряд ли, – наконец, произнес он безэмоционально и повел нас в сторону дороги, с которой начиналась наша улица.

Мужчина не проявлял ни малейшего интереса ко мне или, хотя бы, к щенкам. Он просто шёл куда-то, используя меня в качестве опоры, и не заморачивался о том, что я сама не очень-то хорошо держусь на ногах на скользком тротуаре и на высоких каблуках. Еще и коробка с щенками в руке.

Про мужика на моих плечах весом килограммов восемьдесят, не меньше, пожалуй, промолчу.

– Какой дом? – спросила я, когда мы прошли уже два дома на Рябикова.

– Седьмой, – ответил он, заплетающимся языком.

Не хило его сморило.

– Квартира? – спросил на всякий случай, пока он еще шёл на контакт.

– Тридцать семь.

Едва различила координаты.

Так. Я живу в одиннадцатом доме, значит, придется сначала его закинуть в его дом.

Хотела спросить еще про ключ и посоветовать позвонить жене, чтобы встретила, но поняла, что он меня уже не воспринимает.

Мужчина просто смотрит себе под ноги и едва держит голову, которую так и клонит в сон, на плечах.

Доставлю его до двери квартиры, позвоню в звонок и пусть его кто-нибудь из родных забирает с лестничной площадки.

Из подъезда седьмого дома вышла какая-то женщина. Внутренне помолилась о том, чтобы это была не его жена, иначе ему потом придется долго объясняться, кто я такая и какого черта иду с ним под ручку.

Либо мне прямо сейчас могут выцарапать глаза ключом.

Никакой реакции от женщины не последовало. Даже банального человеческого любопытства. Она молча придержала для нас дверь подъезда открытой и пошла дальше, даже не отреагировав на моё «спасибо».

– Этаж какой? – спросила у мужчины, когда мы подошли к лифту.

– Четв... – прохрипел он сонно. – Четыре.

Нажала нужную кнопку и прислонила вялое туловище к стене лифта.

Заглянула в коробку к щенкам, которые с любопытством обнюхивали окружающую обстановку, но трястись так и не перестали.

Намерзлились они, всё-таки, неслабо.

Подняла взгляд на мужчину и в груди похолодело. До шевеления волос на затылке стало жутко.

Снова эти темные глаза, которые были карими, как оказалось при нормальном освещении, смотрели на меня так... мёртво. В его взгляде не было совершенно ничего. Ни эмоций, ни интереса, ни хоть сколько-нибудь любопытства, хотя бы, к щенкам в моих руках.

Так смотрят старые забытые игрушки, которых никто не хочет брать в новую жизнь. Так же холодно, отчаянно и бездушно.

Он, словно пуст изнутри и нет ничего, что могло бы его наполнить.

Лифт издал сигнал о прибытии.

Протянула мужчине ладонь, на которую он медленно перевел взгляд, отвлекшись от моего лица.

Проигнорировал и попытался своими силами выйти из лифта.

Упал.

Вобрав в грудь побольше воздуха, чтобы успокоиться и не сорваться на нем, помогла ему встать, то и дело, останавливая закрытие створок лифта.

Я бы, конечно, покаталась в нем, но не с такой компанией.

Тридцать седьмая квартира оказалась справа от лифта. Волоча на себе почти спящего мужчину, подошла к двери и позвонила в замок, надеясь на то, что в десятом часу в этом доме еще никто не спит.

Снова начала мысленно молиться о том, чтобы его жена не убила меня сразу и позволила хоть немного объясниться.

Заскрежетал замок, дверь медленно открылась и у порога нас встретила девочка лет десяти. Её светлые глаза смотрели почти так же тухло, что и глаза того мужчины, что я держала в вертикальном состоянии.

– Вы кто? – бросила она мне со злостью в голосе.

– Я... – постаралась улыбаться девочке. – Я никто. Ты его знаешь? Просто он сказал, что живет здесь.

– Это мой папа, – хмуро отозвалась девочка.

– Катюш, – промямлил мужчина и подался вперед, вваливаясь в квартиру.

Потянул меня на себя, но в самый последний момент, перед тем, как мне упасть вместе с мужчиной, я успела выставить вперед ногу и удержаться от падения.

Вот только щенки выпали из коробки и жалобно заскулили.

– Ой-ой, мои хорошие! – спохватилась я и села на корточки, чтобы аккуратно вернуть их в коробку и тысячу раз извиниться. – Простите меня, простите!

Пока я бережно укладывала в коробку одного щенка, другого подхватила девочка.

– Это ваши? – её тон заметно потеплел. В глазах появился радостный огонёк.

Она бережно держала щенка в ладонях и даже потерлась об его нос своим немного вздернутым носиком.

– Я их только что на улице нашла, – ответила ей честно и выпрямилась рядом с ней. – Хочу пристроить в добрые руки. Может, кому-нибудь будут нужны. Может, одного себе оставлю.

– А можно мне одного взять? – с надеждой заглянула она мне в глаза.

– Ну-у... – протянула я. – Если твои родители не будут против, то, конечно, можно.

– Мама умерла, а папе всё равно, – произнесла девочка буднично и прижала щенка к щеке.

«Мама умерла...»

Внутри меня что-то оборвалось. Словно упало в пропасть и провалилось под толстый лёд. Горло перехватило огромным острым комком сдерживаемых эмоций.

Бросила взгляд на мужчину, который, держась за стены прихожей, уходил прочь. Вероятно, в свою комнату, а, может, и в ванную – проблеяться.

«Мама умерла...»

Поэтому он напился? Поэтому на его лице нет никаких эмоций?

А кольцо?

Перевела взгляд на свою руку и поняла его.

– Можно? – напомнила о себе девочка.

Её голубые глаза горели счастьем. На губах играла самая настоящая улыбка.

– Конечно, можно, – улыбнулась ей в ответ, стараясь не позволить слезе пролиться.

– А как вы их назвали? – спросила она и заглянула в коробку ко второму щенку. – А у этого ушки черные, а у моего – белые.

– Фантик и Мультик, – выдала ей одну из версий их имен, которые придумала, пока несла на себе ее отца.

– Смешно, – хихикнула она. – А кто из них Мультик?

– Тот, у которого белые ушки.

– Можно я тоже буду называть своего щеночка Мультиком?

– Конечно, можно, – кивнула одобрительно. – Это же теперь твой щеночек.

– Спасибо! – почти подпрыгнула на месте девочка и крепче прижала к себе своего нового друга. – Мультик.

– А у меня останется Фантик, значит, – резюмировала я и погладила щенка по мягкой шерстке. – Только он грязный. Ты его помой и покорми молоком. Я со своим то же само сделаю.

– Хорошо. Обязательно, – не сводила взгляд со своего щенка девочка. Я ей уже была неинтересна.

– Ну, пока, – махнула ей рукой и стала медленно отступать к лифту.

– До свидания, – крикнула она мне в ответ, но дверь закрывать не спешила, словно давала братьям возможность попрощаться друг с другом.

Остановилась у лифта, чувствуя в груди невероятную тяжесть. Хотелось расплакаться. Лечь на пол прямо здесь в подъезде и рыдать. Отдать ей второго щенка и продолжить рыдать.

– Меня, Соня зовут, – произнесла, улыбнувшись.

– А меня Катя, – тут же поддержала девочка. – А с ним надо гулять?

– Наверное, да, – пожала я неопределенно плечами. – Чтобы приучился делать свои дела на улице, а не в квартире.

– А у меня поводка нет. И намордника тоже, – расстроилась Катя, понимая, что совсем была не готова к встречи с новым другом.

– У меня тоже ничего нет, – призналась ей честно. – Хочешь, завтра принесу?

– А можно? – ее глазки снова засияли.

– Конечно, – створки лифта разошлись в стороны. – Мы завтра утром придем. Я тут рядом живу.

– До завтра, – попрощалась со мной девочка и закрыла дверь квартиры, что-то при этом наговаривая Мультику.

Зашла в лифт и прижалась к стене. Ударилась затылком о стену и закрыла глаза, позволив слезам скатиться по щекам.

Если у каждого человека есть свой ангел-хранитель, то почему он позволяет, чтобы в жизни случилось нечто такое? Какой в них, вообще, толк, если ребенок – чистейшее, безгрешное создание – становится в один момент сиротой? Какова их высшая цель, если человек в столь юном возрасте познаёт горе?

У ангелов есть какой-то тайный контракт с преисподней? Они работают на два фронта? Или это какая-то больная гармония мира, в которой человек обязан пострадать ровно так же, как и был счастлив? Но разве можно сравнивать такие два понятия как «горе» и «радость»? У них есть какая-то балльная система оценки? Типа: «Ты недавно радовалась на все десять баллов. На тебе – смерть мамы. Теперь погорюй на десяточку».

Не уверена, что кто-то когда-либо стал бы мечтать о такой гармонии мира.

Глава 4. Павел

Дыхание рвало горло болезненным сухим хрипом. Еще вчера я выпил целое море алкоголя, но сегодня ощущал безжизненную пустыню внутри себя.

Лежа на животе у самого края кровати, не чувствовал руку, которая свисала безвольной плетью. Еще даже не открыл глаза, не пошевелил ни одной из конечностей, но уже чувствовал адское головокружение и понимание того, что до унитаза я, скорее всего, добежать не успею. Но блевать себе под лицо или прямо в комнате не хотелось. Необходимо сделать одно маленькое усилие и попытаться донести желудочный сок до фаянсового компаньона.

Вдохнул. Открыл глаза и почувствовал шевеление волосков по всему телу.

Рядом с кроватью стоял пацан. Лет пяти, не больше. Удерживая в руке маленького белого робота, молча наблюдал за попытками моего пробуждения.

Давно он здесь? И откуда он, вообще, здесь?

– Ты кто? – спросил хриплым голосом.

– А ты кто? – не остался пацан в долгу.

– Я первый спросил, – медленно сел на кровати и сжал челюсти, борясь с головокружением и тошнотой.

Приложил пальцы к вискам и поморщился от захлестывающих волн головной боли.

– Первое слово съела корова, – отозвался незнакомый мне философ.

Исподлобья оглядел пространство вокруг себя. Комната моя, а вот пацан – не мой.

Откуда он здесь взялся?

Я так вчера напился, что похитил чужого ребенка? Или, вообще, усыновил?

– Что ты здесь делаешь? – задал аккуратно вопрос, пока пацан пялился на меня во все глаза.

– Гуляю, – просто ответил он.

Гуляет? По моей квартире? Кто еще гуляет по моей квартире, пока я тут в отключке?

– А Катя где?

Мысль о том, что дочери прямо сейчас может сто-то угрожать, действовала весьма отрезвляюще.

– Катя с мамой на кухне готовят завтрак. Мультик и Фантик написала тебе в ботинки.

Мама? Мультик и Фантик?

Что здесь происходит, чёрт возьми?!

Вскочил на ноги и ухватился за воздух. Гравитация неминуемо потащила меня в свои объятия, пока рука не зацепилась за дверцу шкафа недалеко от кровати.

– Ты чё, пьяный, что ли? – спросил пацан, глядя на меня с презрением.

Проигнорировал его и неуклюже направился к выходу из комнаты. Зацепил плечом дверной косяк, стиснул зубы от прилива острой боли, но не остановился.

С кухни доносились голоса и тихий смех. Пахло чем-то жареным и, возможно, показалось бы мне аппетитным, если бы не тошнота на грани рвоты.

Ввалился в кухню и застыл на месте.

У плиты, ко мне спиной стояла незнакомка и что-то увлеченно объясняла моей дочери, держа в руке нож.

Нож?! Твою мать!

Забыв о похмелье, головокружении, тошноте и неспособности быстро двигаться, ринулся к дочери и закрыл ее своей спиной. Схватил за запястье руку с ножом и с силой сжал.

– Катя, закройся в своей комнате и сиди тихо! – процедил сквозь стиснутые зубы, глядя в глаза цвета охры незнакомки с ножом.

– Папа, ты дурак?! – удар маленьким кулаком дочери между лопатками оказался для меня полной неожиданностью.

Черные брови над глазами цвета охры медленно поползли вверх. Пухлые губы, поддетые бордовой помадой, дрогнули в легкой улыбке.

– Ты ее знаешь? – спросил у Кати, боясь спустить глаз с незнакомки с ножом.

– Ты же вчера сам с ней пришел, – пропыхтела дочка.

– Эй! Не трогай мою маму! – в пах последовал жесткий удар игрушечным роботом.

К горлу подступила желчь, которая нашла свое освобождение, едва я склонился над раковиной. Горечь во рту и не меньшая горечь на лице от пульсирующей боли в паху отравляла.

Ударил по крану и обтер лицо холодной водой. Прополоскал рот, пытаясь избавиться от остатков вчерашней закуски в бороде. Старался не держаться за мошонку под пристальным, осуждающим взглядом дочери и воинственной ненавистью пацана.

– Тише, Сёма, – погладила эта дамочка своего защитника по голове и прижала к себе. – Дядя просто еще не до конца проснулся. Сейчас он умоется, мы позавтракаем и поедем с тобой на работу.

– И Фантик тоже с нами поедет? – загорелся энтузиазмом малый.

– Конечно, – улыбнулась ему незнакомка и потрепала по черным волосам. И чуть громче, обращаясь к детям, добавила. – Ребята, можете пока ошейники на Мультика с Фантиком надеть? Позавтракаем, и сразу гулять их поведем, хорошо?

– Хорошо, – почти хором ответили Катя и Сёма, и наперегонки выбежали из кухни, выбирая на ходу, кому какой достанется ошейник.

– Ты кто такая? – прошипел я ей, когда дети скрылись в комнате дочери.

– София, – проговорила она спокойно и протянула руку для пожатия.

Бросил хмурый взгляд на миниатюрную ладонь и снова вернул внимание ее лицу.

– Ты, что здесь делаешь, София? – наступал на нее, прижимая спиной к столешнице гарнитура. – Если мы вчера с тобой случайно потрахались, это не значит, что нужно сегодня переезжать ко мне вместе со своим пацаном!

Щеку опалило жгучей болью. На секунду дезориентировало.

Она залепила мне пощечину?!

Снова захотелось блевать, но сдержался.

Глядя на меня снизу вверх, незнакомка приблизила свое лицо к моему и с отвращением в тихом, но спокойном голосе сказала:

– Ты себя давно в зеркале трезвыми глазами видел? С тобой в одном поле срать не сядут, а ты решил, что я с тобой в одну постель легла? – её рука, которой она вlepила мне пощёчину, дрожала. Приложила она меня от души, и сама едва сдерживала боль. – Вчера я помогла тебе добраться до дома, так как ты валялся на тротуаре в луже своих соплей. А сегодня я здесь лишь за тем, чтобы объяснить твоей дочери, как ухаживать за щенком, которого я ей вчера подарила.

– Зачем ей щенок? – до боли свел брови.

– Видимо, для того, чтобы видеть хоть одну вменяемую морду в этом доме, – дернулась и попыталась меня обойти. – Выпусти меня. Ты воняешь, – выплюнула она мне в лицо и толкнула рукой в плечо.

На безымянном пальце ее правой руки блеснуло обручальное кольцо, которое я сразу не заметил.

Она замужем.

Какого тогда черта она подбирает мужиков у баров? И раздает щенков? И является в квартиры ни свет, ни заря?

– И часто ты готовишь завтраки малознакомым людям? – встал за ее спиной и проговорил в самую макушку. – Или это такая форма прошения милостыни? Ждёшь, что за внезапную доброту тебя покормят и обогреют? Еще и сына приволокла. Для большей жалости?

Женское тело в десяти сантиметрах от меня застыло. Напряглось. Нож лёг на разделочную доску и черная макушка пришла в движение.

Незнакомка повернулась ко мне лицом. В карих глазах не читалось никаких эмоций, кроме холодного презрения.

Звук новой пощечины выстрелом прозвучал в создавшейся тишине.

В этот раз огнем боли опалило другую щеку.

Стиснув зубы, сжал кулаки и взгляделся в темнеющие глаза незнакомки. Её трясло. Она едва сдерживала себя от того, чтобы не ударить меня еще раз, но, всё же, нашла в себе силы и, изображая статую, смотрела мне в глаза с пылающей на дне темных колодцев ненавистью.

Краем глаза уловил, как ее рука вновь дернулась. Рефлекторно схватил незнакомку за запястья и завел их ей за спину, скрестив.

Теплое бунтующее тело безмолвно билось в моих руках, пытаясь высвободиться из грубого захвата.

Острый нос коснулся моей шеи, и девушка отвела лицо в сторону, тяжело дыша.

– Мне больно, – тихо проговорила она и слабо дернула руками за спиной.

Шумно вдохнул рядом с ее ухом и уловил тонкий аромат волос. Что-то внутри шевельнулось. Раздулось подобно шару. И оглушительно лопнуло.

Пальцы сами разомкнулись, высвобождая тонкие запястья.

Мы продолжали стоять друг напротив друга. Каждый смотрел в свою невидимую точку. Каждый, находясь рядом, прятался в собственном вакууме мыслей и чувств.

Я слышал, как она дышит, ощущал тепло женского тела рядом с собой, а внутри развралась бездна. Холодная и нелюдимая, в которую, если кинуть камень, придется долго ждать, когда он достигнет дна.

– Катя переварила макароны, – тихо начала говорить девушка. – Я помогла ей сделать из них запеканку. И за это совершенно необязательно платить мне милостыню, – она шумно сглотнула слюну и втянула воздух носом. – Достаточно заметить и похвалить дочь.

Чуть повернул к ней голову. Она смотрела вниз, на свои запястья, которые растирала пальцами, разгоняя кровь, чтобы не осталось следов. Посмотрел на ее лицо, но она предпочла не замечать, что я стою очень близко и разглядываю ее с некоторой отстраненностью. Как вид за стеклом во время поездки в машине.

Длинные черные ресницы мелко дрожали. Она прикусывала губы так, словно пыталась сдержать слёзы.

Болезненный укол совести, который я не ощущал уже очень давно, не позволял молчать.

– Я... – произнес растеряно и умолк в жалкой попытке подобрать слова. – Я не помню тебя.

Она слегка подняла голову. Остановила взгляд на моем плече, но в глаза так и не посмотрела.

– Это необязательно, – наконец, ответила она и вскинула на меня темные глаза. – У тебя есть те, о ком нужно помнить.

Смысл странных слов коснулся глубин сознания и остался на самом его дне. Сделал полшага назад и неуверенно представился.

– Павел, – протянул ей ладонь так же, как это ранее сделала она.

Девушка скептически посмотрела на меня, а затем на протянутую мной руку.

– София, – длинные пальцы легли в мою ладонь и слабо ее сжали.

– София, – повторил вполголоса и потер шею освободившейся от пожатия ладонью.

– Угу, – кивнула девушка и повернулась к духовке, из которой достала форму для запекания с чем-то, что наполнило кухню аппетитным ароматом.

Желудок резануло тупой болью. Я не ел больше суток и организм эгоистично требовал, чтобы в него вложили хоть что-то, кроме виски и лимонных долек.

– Я не соврала про то, что ты воняешь, – сказала София, не оборачиваясь. В руке снова блеснул нож и лопаточка, которой она выкладывала порции запеканки в тарелки. – Хотя бы почисти зубы, перед тем как сесть за стол. Не порти детям аппетит.

– Я не голоден, – соврал ей в спину и оперся бедром у столешницу гарнитура.

– Дети тебя, всё равно, позовут. Сёмка – точно. Не вынуждай свою дочь краснеть за тебя, – бросила она взгляд через плечо и подала мне тарелку с куском запеканки.

– И что мне с этим делать? – спросил, даже не планируя прикасаться к тому, что она мне протягивала.

– На стол поставь, – выдохнула София устало. Подняла взгляд и выжидающе посмотрела мне в глаза. Чуть приподняла наполненную тарелку и слегка выгнула бровь. – Я не нанималась. Можешь и помочь.

Секундная заминка. Взгляд на тарелку и я, всё же, принял ее из руки Софии. Поставил с одной из сторон стола, чуть отошел в сторону и наткнулся на протянутую руку с другой тарелкой. В этот раз девушка даже не смотрела на меня, словно зная, что я повинуюсь её воле беспрекословно.

И оказалась права. Не потому что я прогнулся и пошел на попятную, а потому что во мне едва находились силы для того, чтобы стоять. На то, чтобы вступать в новый спор, у меня не было никаких морально-волевых. Я выдохся еще в тот момент, когда отпустил её руки.

Снова поставил тарелку у другого края стола. Без слов, на автомате, принял следующую тарелку, и последнюю.

– Сходи в душ, – толкнула меня София бедром, прогоняя от стола. – Я пока заварю чай и нарежу хлеб.

Ничего ей не ответив, и не взглянув, покинул кухню. Идя по узкому коридору до ванной комнаты, слышал из комнаты дочери голоса детей. Они смеялись. Просто, весело, беззаботно, словно знали друг друга долгое время. Этому умению, быстро налаживать контакты с людьми, можно было бы только позавидовать.

Можно было бы...

Если бы не было всё равно.

Под тёплыми струями воды тело пробивала крупная дрожь. Такого похмелья мой организм не знал никогда. Каждый мускул непроизвольно сокращался раз за разом, замирал и снова сокращался.

Гель для душа был кое-как размазан по телу и смыт. Вода вместе с островками пены исчезала в сливе, пока я, упираясь ладонями в стеклянную стенку душевой кабинки, пытался дышать глубже и размеренней.

– Пап, ты скоро? – донесся голос Кати из-за двери ванной комнаты.

Выпрямился и подставил лицо под хлещущий поток. Зажмурился, не дышал и, наконец, выключил воду.

– Иду, – крикнул в закрытую дверь и услышал в ответ удаляющийся топот.

– Мама, он сказал, что идёт! – донеслись отголоски голоса пацана.

«Мама».

Твою мать!

Откуда она, вообще, взялась в моей квартире и успела обосноваться в ней так, что хозяйничала на кухне без малейшего сомнения, зная, что, где лежит.

Провел ладонью по затуманенному зеркалу и взгляделся в размытое отражение. С той стороны на меня нечетким взором смотрели черные безжизненные глаза. В каждом из них не было ни малейшего интереса ко мне. В каждом из них таилась пустота и тьма, прятавшая боль.

«Почисти зубы» – новый голос в моей голове отдал приказ.

Кто она такая, черт возьми? Почему именно ее голос въелся в мозг и транслируется тогда, когда я меньше всего хочу о ком-то думать?

Не глядя схватил зубную щетку из стаканчика, смочил горячей струёй воды из-под крана и нанес трехцветную полоску на край белой щетины.

Механические, бездумные движения по зубам и деснам. Бездумный взгляд в гладкую поверхность раковины и голос в голове утих.

Из ванной комнаты, завернутый в полотенце, сразу прошел в комнату, где взял из шкафа старую растянутую футболку и такие же спортивные штаны. Вроде, чистые вещи. По крайней мере, не воняют.

Щеки зудились от влаги, задержавшейся в бороде. Несколько капель упало на грудь, окрасив светлую футболку темными разводами.

Высохнут.

Проходя мимо зеркала в коридоре, провел ладонь по волосам, убирая влажную челку с глаз.

– Ему не понравились помидоры, – гнусавил пацан, свисая со стула, под которым сидел один из щенков.

– Я же говорила, что он их не будет есть, – поучительно ответила ему Катя и коснулась кончиками пальцев щенка, который был под ее столом.

Твою мать! Мне только этого ту не хватало.

– Пап, садись, – заметила меня дочка и указала рукой на стул рядом с собой.

Меня уже ждала порция запеканки и горячий дымящийся чай.

К горлу подступила тошнота. Организм еще не был готов к приему пищи и всячески против этого бастовал.

– Катя старалась, – глядя мне в глаза, произнесла Соня, когда пауза моего раздумья затянулась.

Вгляделся в черты девушки и чуть нахмурился в момент, когда она слегка повела бровью и бросила едва заметный взгляд на пустующий стул.

– Пап, остынет! – с нажимом сказала дочка, и это послужило отличным поводом для того, чтобы прервать зрительный контакт с человеком, которого я не знаю.

Отодвинул стул и сел на него, придвинув чуть ближе к столу. Неуверенно положил ладони по сторонам от тарелки и шумно сглотнул, подавляя спазм.

– На! – бойкий голос пацана вывел меня из ступора. Прямо перед моим лицом мелькнула вилка, которая грозила попасть мне в глаз, если я не приму ее прямо сейчас. – Держи!

Взял из его руки прибор и сжал между пальцами.

– Ма, он чё, вилок пользоваться не умеет? – громким шепотом поинтересовался пацан у Софии.

– Просто ему достался самый красивый кусочек запеканки, и он не знает, с чего начать, – ласковым тоном ответила девушка и чуть громче обратилась ко мне. – Да, Паша?

Нервно вскинул подбородок, и увидел как пристально и холодно она смотрит на меня. Всего на долю секунды ее взгляд стрельнул в сторону Кати. Нехотя перевел внимание к дочери и увидел, что она выжидающе смотрит на то, когда я начну есть и попробую то, что они вместе с её новой подружкой приготовили.

Подавляя тошноту, воткнул зубья вилки в мягкий кусок запеканки. Небольшой кусок отправил в рот и внутренне напрягся, когда организм, не готовый к употреблению пищи, потребовал избавиться от непрошенной порции еды.

Прожевал, проглотил.

Вдохнул побольше воздуха и чуть хриплым голосом изрёк:

– Вкусно, Кать.

– Правда? – спросила она не доверительно.

– Правда, – кивнул я и даже улыбнулся, чтобы вселить побольше уверенности в светлые глаза дочери. – Очень вкусно.

Я не врал. Запеканка, и правда, была вкусной и желудок принял ее с благодарностью, пусть даже через полчаса она вылетит из меня в унитаз.

– И сыра много, да? – вклинился пацан, восторженно вылупив глаза – Я люблю, когда много сыра.

– Я знаю, Сём, – рассмеялась София и потрепала своего сына по голове. – Добавки кто-нибудь будет или пойдем выгуливать щенков?

– О, пойдемте гулять! – пацан спрыгнул со стула и подхватил одного из щенков на руки. – А-то Фантик еще не какал.

Шумно сглотнул подавляя рвоту и мысленно поблагодарил Фантика за то, что он не стал гадить в моей квартире.

– Мультик тоже еще не какал, – спохватилась Катя и тоже встала из-за стола, – Наверное, надо быстрее на улицу идти, пока они не обкакались?

– Если все поели, – встала следом за ним София. – И покормили своих щенков, то нужно скорее пойти с ними погулять, иначе они, правда, сделают кое-что такое, что твоему папе придется убирать.

Мне? Вскинул на нее хмурый взгляд, но в ответ получил лишь веселую насмешку.

Еще дерьма собачьего мне не хватало убирать в собственной квартире.

– Пап, ты с нами пойдешь? – коснулась моего плеча Катя.

– Я... – растерялся, ощутив ее внезапное прикосновение. Мы с дочкой последнее время почти не разговаривали и старались избегать зрительных контактов, не говоря уже о том, чтобы касаться друг друга или обнимать как раньше. – Я... пойду.

– Только в твои ботинки написали Мультик с Фантиком, – предупредила меня дочка.

– Я ему уже сказал, – рассмеялся Сёма.

– Я в кроссовках пойду, – ответил дочери и вышел из-за стола.

– Сёма, одевайся скорее, – подтолкнула своего сына девушка и повела в сторону прихожей. – Нам еще на работу с тобой нужно успеть.

– Точно! – выпучил он глаза и побежал, трясая в руках щенка.

– Папа, можешь не идти с нами, если не хочешь, – чуть обиженно сказала Катя, обнимая своего нового друга.

– Почему же? Хочу, – добавил немного энтузиазма в голос и за это дочка одарила меня благодарным взглядом светлых глаз.

– Тогда возьми пакетик, чтобы какашки Мультика собрать.

Класс! Утро начинается не так, как хотелось бы...

Два идиота по кличке Мультик и Фантик избегали всю площадку между домами. Они жрали снег, втапывали головы друг друга в лужи с пискляво лаяли на прохожих, чем только их смешили. Смеялись и дети, с упоением следя за каждым шагом своих питомцев, которые ежесекундно вытворяли то, что не поддавалась логике моего всё еще спящего сознания.

– Наверное, мне нужно было бы догадаться, что ты меня не вспомнишь утром, – проговорила София, встав ко мне плечом к плечу. – Чтобы не было недоразумений.

– Теперь-то уж всё равно, – ответил, не глядя на нее.

– И часто ты так наливаешься, – неуверенно спросила она.

Повернул голову и посмотрел на нее сверху вниз. Она снова не смотрела на меня, а была занята тем, что наблюдала за детьми, скрестив руки у груди.

– Мне Катя рассказала про твою жену, – начала тихо. – И я...

– Не лезешь туда, о чем даже не представляешь, – резко оборвал ее и бросил многозначительный взгляд на золотую полоску кольца на ее безымянно пальце.

– Ну, да, – усмехнулась она невесело и коснулась кольца большим пальцем, немного его прокрутив. – Откуда мне знать?...

Повисло молчание, во время которого я физически ощущал волны осуждения и жалости с ее стороны.

Бесит!

Как же они все меня бесят!

– Я знаю, что всем есть дело до того, как я живу и как справляюсь со всем тем дерьмом, из которого теперь состоит моя жизнь. Это несложно заметить. Особенно учитывая то обстоятельство, что ёршик людского мнения очень тщательно и глубоко входит в мой зад, – проговорил, чувствуя, как тело трясет от холода и похмелья. – Каждый из них уверен, что делает меня чище, копошась в каждом изгибе кишки, но на деле, они лишь вызывают дикий зуд и желание хорошенько просрать на каждого из них. Уверена, что хочешь быть в их числе?

– Не очень-то благопристойно срать на руку, которая пытается тебе помочь, – заглянула она мне в глаза, чуть поморщившись от солнца.

– Когда кто-то без просьбы суёт руку помощи туда, куда его даже смотреть не просили, пусть будет готов к тому, что эту руку ему могут обосрать.

– Не обязательно быть мудаком в отношении того, кто пытается сделать лучше для тебя и не испытывает отвращение от того, что ему ради этого приходится коснуться не самых приятных частей тебя. И я говорю не только о физических прикосновениях, – ответила София без намека на грубость.

– Просто, не лезь, – бросил ей, вдохнув морозный воздух.

– Я и не пыталась, – ответила она безразлично.

Глава 5

Стиснув зубы, стараясь дышать без вдохов, соскабливал собачье дерьмо с коврика в прихожей. Дерьмо цепко прилипло к ворсу и без принудительного застирывания не сдастся.

Сам создатель «мины», шерстяной минёр, кусок засранца по кличке Мультик, сидел рядом со мной, со спокойствием столетнего мудреца наблюдая за тем, как я пытаюсь сдержать всё внутри: мат, вчерашний ужин и остатки достоинства, оттирая его дерьмо.

Поспать не вышло. Всё та же шерстяная морда то и дело лизала мою. Куда бы я ни повернулся, он был везде. Вездесущая, вонючая, слюнявая пасть, которая, вообще, не замыкалась.

Сотню раз порывался вышвырнуть его в подъезд. Примерно столько же – в окно. Но каждый раз останавливал себя и оставлял его на коврике, который он под утро и обосрал.

– Пап? – послышался за спиной немного осипший ото сна голос дочери. – Мультик покал, что ли?

Мягко сказано...

– Я уже почти убрал, Кать, – выпрямился рядом с ней и увидел как забавно дочка морщит носик, глядя на собачье дерьмо в одной моей руке.

Хорошо хоть перчатки резиновые сообразил надеть.

– А что ты с ним не погулял? – подхватывает она пса на руки и позволяет ему облизать её щеку.

Черт! Погулять, твою мать...

– Я забыл, что у него есть такая функция.

– Ну, ты чего, папа? – слегка улыбнулась Катя и обтерла мокрую после Мультика щеку тыльной стороной ладони. – Соня же вчера говорила, что с Мультиком нужно гулять почаще.

Соня говорила...

Мало ли, что говорила заводчица собак, которую я знать не знаю.

– Хорошо, я сейчас погуляю с ним, – произнес смиренно и обошел Катю, чтобы, наконец, избавиться от дерьма в руке.

– Я сама погуляю, – поставила она шерстяного болвана рядом с ногами. – А ты еще коврик не отмыл.

Вот спасибо!

Утро воскресенья. Я должен лежать в кровати с похмельем, а не застирывать коврик от собачьего дерьма.

Но, все же, спорить с дочкой не стал. Позволил им двоим поноситься по площадке близ дома, не отвлекаясь на пасмурного меня. Дерьмо лучше всего отмывать без свидетелей.

Когда с ковриком было покончено, а полпачки сигарет выкурено, домой вернулась Катя с Мультиком и ошарашено на меня посмотрела:

– Пап, а мы куда не поедem, что ли?

– А куда мы должны были поехать?

Затушил недокуренную сигарету в стеклянной пепельнице и убрал ее на холодильник.

– Ботинки мне зимние покупать. Мне мои совсем маленькие уже, – в светлых глазах пробежала тень разочарования.

– Поехали, – сказал я попросту. – Заодно купим что-нибудь поесть.

– Бургер можно?

– Если ты знаешь, где его можно купить, то можно два.

– Три, – уточнила она. – Мультику еще.

Опустил взгляд на шерстяную морду близ ноги дочери. Светлые глаза почти того же оттенка, что и у Кати смотрели на меня с борзостью бойцового пса.

Кто в этом доме хозяин, теперь решаю не я...

До торгового центра добрались под аккомпанемент пса, который решил, что его скулеж круче всякой магнитолы.

Оставив машину на парковке близ торгового центра, молча дождались с Катей, когда блохастый идиот все обнюхает и пометит несколько объектов, особо ему приглянувшихся.

Вошли в ТЦ и тут же были остановлены блюстителем местного порядка, который весьма многозначительно указал взглядом на таблички, что с собакой, мороженым и на роликах к ним нельзя. Из всех пунктов мы нарушили только собачий.

– Пап, а куда его деть? – спросила дочка, не собираясь расставаться с псом.

– Да вы не пугайтесь, – махнул рукой мужчина с сединой в густых усах. – У нас уже один почти такой же есть. Ждет своих хозяев, так что им двоим будет не скучно, а вы пока походите, закупитесь всем, чем планировали. Я присмотрю.

Катя с легким колебанием в жестах отдала поводок, к одному из концов которого был прикреплен Мультик.

– А такой же, это какой? – любопытствовала дочка у охранника.

– Мелкий, голубоглазый и срущий на все, что видит.

Точно такой же. Один в один!

– Вы только не потеряйте его, – дала Катя наставление, медленно отдаляясь от своего нового друга и держателя его поводка. – Мультик, мы быстро.

Развернулась на пятках и пошла чуть впереди меня, вертя головой по пестрым витринам.

Суеты воскресного дня в стенах торгового центра немного напрягала. Даже яркое освещение не давало возможности перестать хоть на мгновение хмуриться. Такое ощущение, что меня вытащили из темного склепа и сразу закинули в гущу людского движения.

Разговоры, запахи духов и еды, бесконечный калейдоскоп действий и картинок настолько колющий мозг, что всё смешалось в одно и не отличалось друг от друга.

– Пап, сюда, – окликнула меня Катя.

Повернул голову, взглянул через плечо и увидел, что она ждет меня у входа в обувной магазин.

Смирненно последовал за ней.

У первого же стеллажа с обувью нас встретила миловидная блондинка с профессионально натянутой улыбкой.

– Добро пожаловать! Чем могу вам помочь? – смотрела она мне прямо в глаза, жадно ожидая ответа.

– Мне – ничем, – холодно произнес я. – Моей дочке нужны зимние сапоги.

– Хорошо, – кивнула она бойко и указала рукой в направлении дальних стеллажей. – Пройдете за мной. У нас буквально вчера было пополнение ассортимента, думаю, вы найдёте что-нибудь для своей дочери и себя. Какой размер вам нужен?

– Кать, какой у тебя размер?

– Тридцать... – дочка села на небольшой фиолетовый пуфик и взглянула на подошву своих ботинок. – Тридцать третий, но они мне уже маленькие.

– Хорошо, я поищу для вас тридцать четвертый, – идиотская улыбка на лице консультанта почти разрезала ее голову надвое.

Так как она не торопилась двигаться с места и взглядом буравила меня, пришлось кивком головы придать ей стимула к движению. Тонкий каблук застучал по белой плитке и затерялся среди стеллажей, чтобы вернуться снова через пару минут с несколькими коробками обуви.

– Вот, – сложила она их ровной стопкой рядом с пуфиком, на котором сидела Катя. – Самые лучшие варианты. Удобные, для подвижных деток. С ортопедической подошвой.

– Угу, – кивнул ей и стал наблюдать за тем, как Катя раскрывает первую коробку.

– Розовые? – поморщилась она. – Мне же не пять лет!

– Тогда эти, – засуетила консультант, распаковывая следующую коробку. – Они черные, но сбоку вышиты бабочки.

Вскинул брови, но постарался, чтобы лицо не выдало никаких эмоций. У дочки же так не вышло. Ее маленькое личико в полной мере выражало, что она всеми силами пытается понять, в своем ли уме барби с искусственной улыбкой.

– Мне не нравится, – строго произнесла дочка и сама отложила обувь в коробку, закрыв ее вместе с пальцами несостоявшейся помощницы. – Пап, пойдем в другой магазин, – хмуро отозвалась Катя и, не дожидаясь моего ответа, прошла мимо меня в сторону выхода из магазина.

– Может, вы что-нибудь себе присмотрите? – с надеждой спросила девушка.

– Нет необходимости, – ответил ей и, оттолкнувшись плечом от стеллажа, пошел следом за дочерью. – Точно ничего не понравилось? – спросил у Кати, видя, как она поникла.

– Что она со мной как с маленькой? – обижено буркнула дочка, махнув хвостом длинных волос на голове.

– Все девочки любят розовое. Ты же девочка?

– И что? – вскинула она меня взгляд полный возмущения. – Может, мне еще в платье феи ходить?

– Все девочки любят платья, – повел я плечом, улыбнувшись уголками губ. – Разве нет?

– Нет, – фыркнула Катя в ответ и чуть ускорила шаг, чтобы между нами было некоторое расстояние.

Ленивой поступью, глядя себе в ноги, двигался туда, куда вела меня дочка. Мы побывали только в одном магазине этого торгового центра, но по ощущениям прошли его весь.

– Стой, паразит глазастый! – смеющийся голос, который был смутно знаком, заставил меня вскинуть взгляд и немного осмотреться.

Прямо навстречу мне, неся перед собой в вытянутой руке цветок, бежал пацан, от которого я еще вчера получил роботом по яйцам.

– Привет, Катя! – кричал он на ходу и всучил моей дочери цветок.

– Ах! Так вот к кому он так спешил, – запыхавшийся женский голос раздался чуть поодаль. – Привет, Катя.

– Привет, Соня, – немного смущенно отозвалась дочка, прислонив цветок к носу.

Поднял взгляд на девушку с глазами цвета охры и поймал ее легкую усмешку:

– Здравствуйте, Павел, – коротко кивнула она и огладила серый передник, пряча в его карман рабочие перчатки.

– Здравствуйте, – отозвался сухо и убрал руки в карманы куртки.

– А чё вы здесь делаете? – поинтересовался пацан.

– Сём, ну, они, наверное, по магазинам пришли походить. Купить что-нибудь хотят, – пояснила ему Соня.

– А чё купить? – не унимался мелкий.

– Мне нужны зимние сапоги, – вклинилась Катя. – Мы были в одном магазине, но там какие-то дурацкие предлагают.

– О! – спохватилась Соня, развязывая передник. – Я тоже себе хотела устроить шоппинг: прикупить сапоги и перчатки. Сходим вместе, Катя?

Сказав это, она всучила мне в руки передник, отряхнула перед бордового платья от несуществующих крошек и повлекла мою дочь за собой.

– Мам, – первым опомнился пацан. – А нам, что делать?

– Покажи Паше игровую комнату, – бросила она через плечо, не остановившись.

– Эй! – начал было я.

– Спасибо за помощь, Паша, – хитро улыбнулась мне Соня уголками губ и скрылась вместе с Катей в одном из магазинчиков.

– Ну, ты идешь, нет? – воззрился на меня снизу вверх пацан.

Смотрел так, будто это я его сейчас поведу на свои лекции скучать, а не он поведет меня в какую-то игровую комнату.

– Куда идти-то? – спросил я хмуро, пряча свернутый передник в карман куртки.

– Пойдем, я тебе покажу, – потопал он в сторону противоположную от той, в которую ушли девчонки. – Только иди рядом, а то потеряешься еще, – добавил он строго.

Навигатор мелкий, блин...

Ступая за ним, невольно наблюдал за тем, как пацан чувствует себя в этом торговом центре как в своей тарелке. Машет людям, которых узнает, и которые узнают его. Ведет меня какими-то окольными путями, о наличии которых в этом торговом центре я и не знал.

– Тебе сколько лет? – любопытствовал я, когда мы поднимались в лифте.

– Пять, – ответил он коротко, держа руки в карманах джинсов. – А тебе?

– Тридцать семь, – в тон ему ответил я и заметил, что тоже держу руки в карманах своих джинсов.

– Ты уже старый, – философски изрек малец.

– А ты еще мелкий.

– Ну, так мне всего пять лет.

– Логично, – дернул я головой.

– Угу, – кивнул пацан.

Двери лифта разъехались в стороны, и малой уверенным шагом пошел в неизвестном мне направлении.

Едва поспевая за ним, обнаружил его в так называемой игровой комнате. Я планировал увидеть свору орущих детей, канатную дорожку, бассейн с цветными шариками и прочие атрибуты детской вакханалии. Но вместо этого пацан привел меня в просторное помещение, в котором было полно игровых автоматов – симуляторов: мотоциклы, машины, беговые дорожки с подсветкой перед огромными экранами.

– Ты не ошибся игровой комнатой? – спросил у него, пока малой седлал мотоцикл.

– Та, что на первом этаже – для маленьких, – фыркнул он.

– Но тебе всего пять лет.

– И чё? – выпучил он глаза. – Плати давай, я кататься хочу.

– Сёмка, опять от мамки убежал? – вырос рядом с нами какой-то мужик.

Надо запомнить, что пацана зовут Сёмой.

– Она мне разрешила, – как-то не очень добро ответил мой мелкий компаньон и зло смерил взглядом этого мужика.

– А если я расскажу, – подтрунивал мужик.

– Тогда Паша тебя побьёт, – нашелся Сёма с ответом, отчего мои брови исчезли со лба.

– Паша? Это кто такой? – чуть подался вперед мужик.

– Это я, – пришлось немного оттеснить его рукой, так как его пузо вот-вот грозило раздавить пацана, которого мне еще потом нужно вернуть в том виде, в котором я его забирал. – Павел, – подал ему руку для пожатия, на что в ответ он смерил меня оценивающим немного брезгливым взглядом, и, нехотя, пожал мне руку.

– Паша, значит. Угу, – задумчиво протянул он и потер толстыми пальцами свой гладкий подбородок.

Еще раз посмотрел на меня и на Сёму, и предпочел уйти в направлении мне неинтересном.

– Это твой друг? – спросил я у пацана.

– Нет, это гоблин, – пробубнил, совершенно теряя настроение.

– Почему «гоблин»?

– Его мама так называет, – совсем раскис пацан. – Он к ней всегда пристаёт. Я когда вырасту, побью его.

– Думаешь, получится? – спросил, между делом, доставая купюры из кошелька, чтобы оплатить ему этот автомат. – Видел, какой он здоровый?

– А я его сильно буду бить. Ногами. И палку еще возьму у Лёшки – соседа, – оживлялся он по мере того, как автомат съедал мои деньги.

– А, ну, если палкой, то тогда ладно, – многозначительно закивал. – А как он к твоей маме пристаёт?

– Трогает ее, а ей это не нравится. Она один раз, даже ножницы ему в руку воткнула, но сказала, что это случайно, а мне кажется, что специально, – говорил он, всё больше затягиваясь в игру, когда на экране загорелись цифры обратного отсчета.

Проследил взглядом направление, в котором ушел тот мужик, лапатель чужих жен и не увидел ничего. Даже удивительно, что он смог так быстро ретироваться.

Сёма решил испробовать все автоматы, которые были в этом зале. Я устал стоять рядом с каждым из них и страховать пацана, который в пылу игры не контролировал самого себя, прискакивая на месте, как ужаленный. Все мои возмущения по поводу того, что нужно быть тише и прижимать зад к стулу крепче, были благополучно пропущены его лохматой головой. Пацан был на кураже и класть хотел на моё неудобство.

Всеми силами молился о том, чтобы Катя скорее купила всё, что хотела и мы со спокойной душой вернулись домой, чтобы я мог лечь в своей комнате и ни о чем не думать. Даже о том, что одного шерстяного говнюка надо будет выгуливать.

В кармане ожил телефон. С облегчением увидел, что звонила дочка. Значит, путь к свободе близок, и пацан скоро спрыгнет с моей шеи.

– Пап, – голос дочери был на удивление бодрым. – Ты голодный? А Сёма?

А Сёма выпил с утра цистерну энергетиков, судя по всему...

– Немного голодный. Едем домой? Ты всё купила?

– Мы с Соней купили сапоги и мне еще пуховик, новую шапку и перчатки, – восхищенно вещала Катя. – Представляешь?

– Представляю, – выдохнул я безрадостно, представляя, во сколько мне всё это обойдется.

– Так ты голодный или нет? – повторила свой вопрос Катя.

– Конечно, они голодные, – послышался голос разорительницы моего кошелька и Катиной подруги – Сони. – Скажи Сёме, чтобы шел к коровке, он знает, где это.

– Пап, скажи Сёме, чтобы шел к коровке. Мы тут вас ждем.

– Понял, – выдохнул я. – Сейчас придем.

Сбросил вызов, убрал телефон в карман куртки и почувствовал, как похолодело в груди, когда я не обнаружил пацана у игрового автомата.

Твою-то мать! Только этого мне не хватало.

Взглядом окинул зал, но не увидел ни одной мелкой кучерявой головы. Четыре этажа торгового центра, в котором затерялся один маленький прыщ.

Его мать сегодня воткнет ножницы в меня.

У подсобия ресепшна стоял тот толстый мужик и незаметно для него к нему подкрадывался малой.

С палкой, чтоб его!

Быстрым шагом сокращал расстояние, но что-то подсказывало мне, что я не успею добраться раньше, чем этот малолетний диверсант атакует.

– Сёма! – строго окликнул пацана, отчего тот поспешил выпрямиться по струнке и спрятать палку за спину.

Мужик посмотрел на меня исподлобья, бросил ровно такой же хмурый взгляд на пацана и продолжил что-то высматривать в своем ноутбуке.

– Твоя мама сказала идти к какой-то коровке, – аккуратно отобрал из его руки палку и прижал к своей ноге, чтобы она никому не бросалась в глаза. – Пошли, вояка.

– Ты мне помешал, – ворчал малец, выдергивая своё плечо из захвата моей руки.

– Ты собирался сначала вырасти, а потом его побить, – напомнил пацану его же план. – И где ты палку взял?

– Из цветка выдернул, – продолжал бубнить Сёма, обиженно скрестив руки на груди.

Огляделся вокруг и увидел у одного из цветков в кадке разбросанную землю и еще парочку таких же палок, чтобы сохранять цветок в вертикальном положении. Вернул на место орудие возможного убийства и подтолкнул пацана к эскалатору, движущемуся вниз.

– В следующий раз скажи своему папе, чтобы настучал тому мужику по башке, если он сильно маму обижает, – произнес я поучительно, и Сёма, судя по выпученным глазам, этому рад не был.

– Ты чё? У меня нету папы, – фыркнул он. – Мы с мамой вдвоем живем.

Нахмурился, пытаюсь сопоставить картинку.

Нет папы? А кольцо на пальце Сони – это что? Отпугивающая золотая полоска? Гостевой брак? Брак на расстоянии? Или...

Машинально нащупал подушечкой большого пальца свое обручальное кольцо. От вороха мыслей, крутящихся в голове, брови готовы были срастись.

Нет. Не похожа она на безутешную вдову. Совсем не похожа. Слишком много улыбается и сует свой острый нос не в свои дела.

Спрашивать у пацана о подробностях – глупо. Мало ли, что происходит в чужой семье. Меня это не касается никаким боком.

– Ты точно знаешь, где эта коровка? – спросил у Сёмы, чтобы расшевелить его настроение.

– Точно, – мне кажется, я услышал, как он закатил глаза. – Сейчас вон те магазины пройдем, и там будет коровка, – указал он мелким пальцем прямо перед нами.

И оказался прав. Буквально парочка стеклянных витрин и мы оказались на одном из фуд-кортов, где нас ждали Катя и Соня. Девушка что-то рассказывала моей дочери, при этом активно жестикулируя.

Катя слушала ее, почти не моргая. Не знаю, какую информацию можно слушать с таким вниманием и интересом.

– О! Мальчики наигрались, – заметила нас первой Соня. – Сильно проголодались? Мы вам уже все заказали.

Придвинула она к месту, где сел Сёма поднос с едой.

– Я тебе тоже заказала, папа, – придвинула и ко мне Катя поднос с тем, что заказала для меня. – Солянка и пюре с курицей. И кофе.

– Спасибо, Катюш, – произнес я, снимая куртку и устраивая ее на спинке стула, на который затем и сел.

Сёма с хмурым видом ковырял своё пюре, не поднимая ни на кого взгляд.

– Сёма, что случилось? – аккуратно спросила его Соня.

– Там был гоблин, – произнес он нехотя, куда-то себе под нос.

– Гоблин? – стрельнула в меня карими глазами Соня. – Вы ходили к игровым автоматам?

– Он сказал, что там игровая комната, – ответил, вскинув бровь. – Сёма здесь лучше ориентируется, чем я. Так что я ему доверился.

– Я же говорила тебе, туда не ходить, – подняла она его голову за подбородок, и я невольно обратил внимание на полоску золотого кольца на пальце.

Так не выглядят кольца, которые носят ради красоты. На нем нет ни камней, ни узоров. И носит она его на безымянном пальце правой руки, но папы у пацана нет.

– Пап, представляешь, Соня работает здесь в цветочном магазине, – обратила на себя внимание Катя.

– М, – протянул я задумчиво и отпил немного кофе из стаканчика с крышкой. – Я так и понял.

Судя по тому, как её сын ориентируется внутри торгового центра, не сложно догадаться, что он здесь частый гость.

– И тот второй щенок, с которым мы оставили Мультика, – это Фантик.

– Да, – выдохнула Соня устало и потеряла висок кончиками пальцев. – Сегодня не с кем было его оставить и пришлось брать с собой в торговый. Хорошо, Марк Антонович согласился с ним повозиться сегодня.

– Он сейчас за ними двумя не успевает, наверное, – коротко усмехнулась Катя, вероятно вспомнив, что тот охранник на входе был уже дедом. А с двумя шерстяными идиотами он рискует посидеть еще больше.

– Мы ему потом шоколадку подарим, чтобы ему обидно не было, – подмигнула девушка моей дочери. – Он любит шоколадки.

– Я тоже! – ожил Семён, забыв, что был без настроения из-за сорванного нападения.

– Ну, ты-то, конечно! – рассмеялась Соня и потрепала его по кучерявой голове.

– Сколько вы потратили на одежду? – спросил у девушки, когда дети доели свои обеды и уже тихо спорили между собой.

– Я позже разберусь с чеками и отдам тебе те, по которым мы покупали Кате вещи. Хорошо? – ответила она вполголоса. – Не сейчас.

– Хорошо, – кивнул я коротко и слегка сжал Катино плечо, призывая обратить на меня внимание. – Нам домой пора, Кать. Тебе еще уроки делать.

– Ой, точно! – всполошилась дочка. – У меня завтра контрольная по математике. Надо готовиться.

– Надень завтра то платье, что ты выбрала. На удачу, – сжала кулачки Соня.

– Точно! Так и сделаю, – закивала активно дочка и всучила мне в руки пакет за пакетом. И так шесть штук.

Надеюсь, моей зарплаты хватит, чтобы за всё это рассчитаться с новой Катиной подругой.

Позже дома, когда все пакеты были разобраны, а Катя еще на раз перемерила все купленные вещи, мы разошлись по своим комнатам. Я – созерцать потолок, ожидая, когда белье в машинке постирается, а Катя – готовиться к контрольной по математике.

С Мультиком пришлось гулять мне, так как ни мне, ни ему не хотелось отвлекать ребенка от ее дел.

В итоге, мне же его пришлось и мыть, когда он откопал где-то лужу и увяз в ней по уши, запачкав еще и меня до кучи.

Только поздно вечером, когда весь дом затих, лежа в своей кровати, глядя в потолок, я понял, что все выходные провел, в каком-то странном нескончаемом движении. Даже ноги гудели так, словно в них пустили ток.

Устал как собака. Собака, которая меня и загоняла.

Тихие шаги за открытой дверью вывели меня из раздумий. У порога комнаты остановилась дочь и неуверенно переступила через порог, чего не делала уже год.

– Можно мы с Мультиком у тебя немного побудем? – спросила она робко.

– Конечно, – отодвинулся к дальнему краю постели. Одернул одеяло и дождался, когда дочка ляжет на постель, чтобы укрыть ее и пыхтящего балбеса в ее руках.

– Мультику не спится, – сказала Катя, поглаживая того по бестолковой голове.

– Мне тоже, – ответил я, понимая, что она имеет в виду совсем не пса.

Повисло молчание, во время которого каждый думал о своем и не спешил говорить.

Катя молчаливо разглядывала комнату, останавливая взгляд на фотографиях, которые висели на одной из стен. На них были изображены мы – счастливая семья, не подозревающая о том, что в один момент всё может оборваться и перестать существовать.

Беззаботные улыбки, дурачество в парке и копка картошки на даче у тещи. Жизнь была наполнена мимолетными радостями, украшающими каждую секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.